

М.Ю. Трейстер
(Бонн)

Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э.

1. Введение

Найдённые на территории Боспорского царства надгробные стелы, известное количество которых превышает тысячу экземпляров [von Kieseritzky, Watzinger, 1909; Kreuz, в печати], могут служить источником чрезвычайно ценной информации — изображённые на них реалии, в том числе мебель, утварь, посуда, одежда [Матковская, 2001; Матковская, 2002], дают возможность сравнения с реальными археологическими находками.

Среди боспорских надгробий выделяется серия с изображениями воинов, на которых довольно детально передано оружие и отдельные типы рельефов, которые уже рассматривались специально [Нефедкин, 2002, с. 67–78]; рассматривались специально и изображения всадников [Иванова, 1962, с. 169–180; Кат. Ленинград, 1990, с. 18, 19], всадников с «оруженосцами» [von Gall, 2002, S. 397–413], доспеха [Ростовцев, 1914, с. 328–339], колчанов [von Gall, 2002, S. 405–407] и седел на рельефах со всадниками [Горончаровский, 2001б, с. 74; von Gall, 2002, S. 407–409; Степанова, 2004, с. 239–244].

Исследователи, начиная с М.И. Ростовцева [Ростовцев, 1918, с. 57; Ginters, 1928, S. 58, 59; Rostowzew, 1931, S. 212, 213; Чуистова, 1960, с. 86, 87; Gajdukevič, 1971, S. 418; Горончаровский, 2001б, с. 77], обратили внимание на изображённые на надгробиях кинжалы с кольцевидными навершиями (рис. 1–7) и сопоставили их с реальными находками таких мечей и кинжалов. При этом В. Гинтерс относил распространение таких коротких мечей преимущественно к II–III вв. н.э. и подробно не проанализировал способ их ношения. Относительно формы ножен им было замечено, что реальные находки таких ножен неизвестны, а по изображениям они не восстанавливаются [Ginters, 1928, S. 58, 59; 72, Taf. XXX]. На некоторые из рассматриваемых нами надгробий вскользь обратили внимание М.И. Ростовцев [1918, с. 41, 51, 57; Rostowzew, 1931, S. 213] и А.М. Хазанов [1971, с. 13], отмечая как характерный способ ношения изображённых на них кинжалов (пристегнутыми ремешками к бедру), так и тот факт, что такие мечи изображены на надгробиях всадников. Подробнее на эту тему высказался

Н.И. Сокольский, который, характеризуя изображение мечей на надгробных рельефах, отмечал, что «можно видеть, что меч с кольцевым навершием носился на правом бедре, прикрепленный ремешками, охватывающими бедро, как показано на статуе I–II вв. н.э. из Анапы (находящейся в Государственном историческом музее) (рис. 7) [Сокольский, 1954, с. 151. Рис. 6]¹. Этот способ прикрепления, в деталях еще не выясненный, был удобен при верховой езде» [Сокольский, 1954, с. 151]. Далее Н.И. Сокольский [1954, с. 152] отмечал, что ножны некоторых мечей имели лопасти-выступы, которые и служили для пристегивания меча к бедру. Наиболее подробный анализ феномена изображения коротких мечей с кольцевидным навершием на боспорских стелах был представлен в статье П.-А. Кройца [Kreuz, 2003, S. 194–212], подготовленной им в рамках работы над неопубликованной пока диссертацией о боспорских надгробных рельефах.

Исследователи уже обращали внимание на необычный способ ношения длинных мечей всадниками, изображенными на боспорских рельефах. Такие мечи часто представлялись пристегнутыми к гориту «скифского» типа [Ростовцев, 1918, с. 53, прим. 2; Горончаровский, 2001б, с. 75, 77; Kreuz, 2003, S. 200; Павличенко, 2007, с. 263, прим. 2]. Еще А.М. Хазанов указал на изображения скоб на длинных мечах, представленных на некоторых боспорских надгробиях, в частности на надгробии кат. № 56 [Хазанов, 1971, с. 26]. Никто, однако, не останавливался на этом феномене подробно — Н.И. Сокольский называл такой способ ношения меча походным и отмечал его как особенность боспорской системы снаряжения всадника [Сокольский, 1954, с. 159]. В.А. Горончаровский приводит три примера, называя, впрочем, подобный способ ношения меча «чисто боспорским» [Горончаровский, 2001б, с. 77], Н.А. Павличенко [2007, с. 263, прим. 2] расширяет этот список до 8 надгробий.

О том, что на некоторых боспорских рельефах изображены не гориты «скифского» типа, а колчаны цилиндрической формы из двух отделений и луки составного так называемого «гуннского типа», уже неоднократно писалось [Десятчиков, 1972, с. 71, 72, 77; Горончаровский, 2001б, с. 72, 79; von Gall, 2002, S. 405–407].

Еще в 1914 г. М.И. Ростовцев [1914, с. 339] писал: «Входить в разбор истории наступательного оружия, как оно изображалось на наших картинах и стелах, я не в силах. Это должно быть предметом большой и специальной работы». Обзор оружия Боспора первых веков н.э., представленный в специально посвященной военному делу Боспора монографии Миелчарека [Mielczarek, 1999, p. 89–94], на мой взгляд, абсолютно неудовлетворителен и базируется на не всегда точном суммарном описании изображения оружия на стелах и пересказом работ Н.И. Сокольского [1954] и А.М. Хазанова [1971]. Таким образом, несомненно, что назрела необходимость внимательного анализа изображения оружия на боспорских стелах и соотнесения

¹ В научно-популярной книге В.А. Горончаровского [2003, с. 61, 62] хранящаяся в ГИМе статуя из Анапы превратилась в так наз. «статую Неокла», хранящуюся в ГМИИ — это опечатка тем более досадна, что Неокл изображен как философ, а не воин.

его с реальными археологическими находками, как на территории Боспора, так и в памятниках культур кочевников Евразии и на Переднем Востоке. Такой анализ поможет лучше понять как происхождение отдельных видов оружия, использовавшегося на Боспоре в первые века н.э., так и социальный и исторический контекст возможных заимствований. Я ограничу анализ тремя категориями оружия: кинжалами, которые носились закрепленными ремнями на правом бедре, длинными мечами, прикрепленными к горитам «скифского» типа, которые носились обычно на левом плече, и горитами и колчанами так называемого «гуннского» или центрально-азиатского типа, которые носились на поясе справа².

2. Надгробные стелы Боспора как источник по изучению оружия первых веков н.э.

2.1. «Всаднические» кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем, длинные мечи и гориты

По подсчетам П.-А. Кройца, изображения коротких мечей и кинжалов с кольцевыми навершиями достоверно видны на 29 стелах, еще в 18 случаях можно предполагать изображение таких мечей на стелах с поврежденной поверхностью или с суммарной проработкой деталей [Kreuz, 2003, S. 200]. Благодаря сведениям, представленным в мое распоряжение П.-А. Кройцем, и собственным изысканиям был составлен список, включающий 52 надгробия, на которых изображены или, возможно, были изображены такие кинжалы. В каталог, прилагающийся к данной работе, включено 75 боспорских надгробий с мужскими фигурами с закрепленными на бедре кинжалами с кольцевидными навершиями (рис. 1-6), а также с всадниками с горитами и луками «скифского» типа с прикрепленными к ним длинными мечами, которые носились на левом плече (рис. 8, 9), и с горитами или луками так называемого «гуннского» или центрально-азиатского типа, которые носились на правом боку (рис. 10). Эти детали более или менее отчетливо видны по опубликованным фотографиям [von Kieseritzky, Watzeinger, 1909; Кат. Ленинград, 1990; КБН-Альбом; Kreuz, в печати], во многих случаях они проверены мною *de visu* в Лапидарии Керченского музея.

По стилю изображений и характеру надписей все указанные надгробия укладываются в хронологические рамки конца I в. до н.э. — первой половины II в. н.э. [Kreuz, 2003, S. 201]. Подавляющее большинство надгробий найдено

²Моя искреннюю признательность — П.-А. Кройцу (Институт классической археологии Университета Бохума), который поделился со мной информацией о боспорских надгробных стелах из своей пока неопубликованной диссертации. Д.В. Журавлев любезно предоставил в мое распоряжение фотографии некоторых рельефов, хранящихся в Государственном историческом музее в Москве, В.А.Хршановский — фотографии и рисунки предметов из погребения № 227 некрополя Китея, В.Д. Кузнецов — информацию о недавней находке надгробной стелы в Фанагории. Я также благодарен Т.А. Габуеву за консультацию о мечах и кинжалах IV–V вв. н.э.

Рис. 1. Стела Хрестиона, сына Стратоника (кат. №. 1).
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-170. 1 – общий вид (фото по: КБН-Альбом 551);
2-4: детали (фото М.Ю. Трейстера)

в Керчи или окрестностях города или приобретено в Керчи. Редкие образцы происходят из европейской части Боспора (Темир-Гора: кат. № 14; Тиритака: кат. № 53; Порфмий?: кат. № 58; Мирмекий: кат. № 71) и Таманского полуострова (Тамань: кат. № 20, 59 [рис. 9. 3]; Ахилий: кат. № 64; Фанагория: кат. № 70; Фанагория?: кат. № 72).

Представленные на рассматриваемых надгробиях короткие мечи или кинжалы, которые носились на правом бедре (лишь в одном случае как будто бы есть основания предполагать изображение такого кинжала на левом бедре всадника: кат. № 52), имеют, как правило, кольцевидные навершия и прямые перекрестья (рис. 1–7). На некоторых рельефах, как на надгробии Христиона (кат. № 1; рис. 1) отчетливо видны боковые лопасти ножен и ремни, при помощи которых кинжалы крепились к бедру. П.-А. Кройц [Kreuz, 2003, S. 200, 201] отмечает наличие подобных коротких лопастей и на рельефах неизвестного происхождения с утраченной надписью из Керченского музея (кат. № 15) и Исторического музея в Москве (кат. № 16) (рис. 5. 3). Выделяется формой своего навершия (зооморфного?) и валиком, обрамляющим по краю ножны, кинжал, представленный на стеле Дафна (кат. № 2; рис. 2. 3; 10. 4). Если исходить из пропорций фигур и того, что наконечники ножен не доходят до колен, длина кинжалов не превышала 30–35 см.

Заслуживает внимания тот факт, что рассматриваемые всаднические кинжалы на надгробиях в подавляющем большинстве случаев не сочетаются с изображениями длинных мечей, которые значительно чаще изображались на боспорских надгробиях — в 67 случаях (вместе с горитами) [Kreuz, 2003, S. 207]. В редких случаях, длинный меч изображается на левом боку у всадника (кат. № 30; рис. 6. 3, 4) и пешего воина (кат. № 9, 39), значительно чаще он изображался пристегнутым к гориту «скифского типа» (см. ниже) (рис. 8, 9). В одном случае в руке у всадника с кинжалом изображено длинное копьё (кат. № 6; рис. 4).

2.2. Колчаны и гориты

У всадников с кинжалами, закрепленными на правом бедре, как правило, имеются гориты «скифского типа», подвешенные слева (рис. 3–6), или колчаны с вертикальными трубчатыми отделениями, подвешенные справа (рис. 2).

Гориты «скифского» типа носились на ремне на левом плече. Такой ремень, образующий петлю, изображен на горите, представленном на надгробии первой четверти II в. н.э.³ первого архонта Херсонеса, Газурия, сына Метродора

³ Это надгробие датировалось I в. н.э. (von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 72). Дата была принята последующими исследователями. Находка в 1982 г. в Херсонесе надгробия внука первого архонта Газурия — Газурия, сына Метродора [Херсонес Таврический, 2004, с. 268, 269, рис. 110], датирующегося 130–140-ми годами н.э. позволила В.И. Кадееву убедительно передатировать надгробие первого архонта — деда. По мнению В.И. Кадеева, оно должно быть датировано более поздним временем, чем предполагалось Кизерицким и Ватцингером, а именно — не ранее второго десятилетия II в. н.э. [Кадеев, 1985, с. 69].

Рис. 2. Стела Дафна, сына Психариона (кат. № 2). Ст. Петербург, ГЭ, инв. ПАН. 151. 1 – общий вид; 2, 3 – детали. Фото ГЭ

[von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 72, Nr. 409, Taf. XXVIII; IOSPE I², 471; Блаватский, 1954, с. 141, рис. 64; Соколов, 1973, с. 146, 147, № 157; Античная скульптура Херсонеса, 1976, с. 100, № 316; Кадеев, 1981, с. 71, 72, прим. 60, табл. б. н.; Crimean Chersonesos, 2003, p. 160, fig. 10.70; Херсонес Таврический, 2004, с. 268,

рис. 109]. За подобный же ремень подвешен на крюк горит, изображенный на стеле Сайя, посвященной синодом, найденной в Керчи на Глинище и датированной по характеру письма первой половиной II в. н.э. [КБН 88; Матковская, 1983, с. 132, 133, табл. VIII. 1; Савостина, 1983, с. 49; Матковская, 1992, с. 404, табл. V. 2; КБН-Альбом 88; Матковская, 2005, с. 382; КЛ-322]. Аналогичным же образом подвешен и горит, изображенный справа от фигурки юноши, опирающегося на колонку на расписном каменном саркофаге конца I в. н.э. из Керчи [Ростовцев, 1913–1914, с. 379, табл. ХСIII.1; Ернштедт, 1955, с. 269, № 1; с. 270, рис. 19; Соколов, 1973, с. 109, рис. 113; Савостина, 1983, с. 47, рис. 3; Cat. Los Angeles, 2007, p. 34, fig. 3.10a] и на росписи склепа Анфестерия в Керчи [Ростовцев, 1913–1914, с. 173, табл. LI. 6; Савостина, 1983, с. 47; Яценко, 1995, с. 188–194; Диатроптов, 2001, с. 68, рис. 17] и склепа 1975 г. в Горгиппии [Alekseeva, 2002, S. 110, Abb. 21].

2.2.1. Гориты скифского типа с пристегнутыми мечами

Довольно часто за спиной всадника с кинжалом на бедре рядом с горитом скифского типа видна рукоять меча (кат. № 5, 7–9, 11, 17, 18, 29, 30, 37, 39, 49, 51; весьма вероятно также кат. № 6, 19, 45, 48) (рис. 3. 2; 4. 1; 6). В некоторых случаях, когда на рельефе изображены два всадника, левый из которых показан с кинжалом на бедре, меч, пристегнутый к гориту, полностью изображен у правого персонажа, показанного в профиль влево (кат. № 37). Это же касается всадника, движущегося влево, изображенного на другом поле рельефа кат. № 16 (рис. 5. 2; 9. 4). Еще чаще пристегнутые к гориту длинные мечи представлены полностью на рельефах с всадниками, движущимися влево (кат. № 53–70; рис. 8, 9). Таким образом, список из 8 стел, составленный Н.А. Павличенко [2007, с. 263, прим. 2], может быть увеличен в четыре раза (до 34), причем примерно в половине случаев горит с пристегнутым длинным мечом изображался у тех же всадников, у которых на правом бедре изображен пристегнутый кинжал.

В.А. Горончаровский (2001б, с. 77) считает со ссылкой на стелу кат. № 60, что меч крепился к гориту при помощи поперечного ремня, однако на надгробии кат. № 60 никаких следов такого ремня не наблюдается. Изображенный над горитом ремень, скорее всего, служил для подвешивания горита на плечо. Вероятно, в нем имелась дополнительная петля, в которую мог вставляться меч. Каким-то образом меч должен был фиксироваться к гориту, вероятнее всего на уровне ножен, однако на рельефах детали крепления не обозначены (рис. 8. 2; 9. 2).

Очевидно, что длинные мечи, пристегнутые к гориту, относятся, по крайней мере, к двум различным типам.

Некоторые из них, безусловно, представляют тип мечей без перекрестья (кат. № 64); иногда, в случае хорошей сохранности изображения, очевидно, что такие мечи имели круглые навершия рукоятей, как на стеле кат. № 66 (рис. 8. 1).

Рис. 3. Стела Клеона, сына Клеона (кат. № 5). Ст. Петербург, ГЭ, инв. П.1829.8. 1 – общий вид; 2, 3 – детали. Фото Гос. Эрмитажа

Мечи второго типа имеют перекрестья, характерной формы навершия рукоятей и бутероли, а также вертикальные скобы или пластины на ножнах. Детали меча, изображенного у всадника на верхнем поле рельефа кат. № 60 (рис. 8. 2; 9. 2), заслуживают внимания. Очевидно, что рукоять его несколько изогнута по отношению к клинку, меч имеет прямое перекрестье, в верхней части ножен имеется узкая вертикальная скоба, а бутероль ножен имеет трапециевидную форму. Прямое перекрестие и скобу имеют также мечи, пристегнутые к горитам на рельефах кат. № 16 (рис. 5. 2; 9. 4), 51 (рис. 9. 1) и 56; прямое перекрестье – мечи на рельефах кат. № 58, 61 (рис. 9. 7). Прямое перекрестье и расширяющаяся кверху рукоять с плоским верхним краем различимы на рельефе кат. № 63. Навершия рукояти аналогичной формы – на рельефах кат.

№ 5 (рис. 6. 1, 2), 7, 11, 17, 29, 30 (рис. 6. 3, 4), 59 (рис. 9. 3), 61 (рис. 9. 7), 62, 67, 69 (рис. 9. 5). Ножны некоторых мечей украшены продольными параллельными валиками (кат. № 69, рис. 9. 5).

На отдельных мечях в верхней части ножен изображается не узкая вертикальная скоба, а гладкая пластина квадратной или прямоугольной формы, занимающая практически всю ширину ножен (кат. № 55, 59, 69; рис. 9. 5. 6).

Подобные же изображения длинных мечей с аналогичными элементами присутствуют и на многих рельефах, представляющих пеших воинов, облокотившихся на колонну. Бутероль ножен трапециевидной формы мы видим у длинного меча на надгробии члена синода Сайя, датируемом первой половиной II в.н.э. (КБН 88), а также у воинов, изображенных на надгробиях кат. № 9, КЛ-378, КЛ-395 (найденно в Керчи [Матковская, 1989, с. 54–56, рис. 2]), КЛ-1752 (найденно в 1984 г. на северном склоне г. Митридат [Матковская, 1989, с. 56–58, рис. 3; Матковская, 2001, с. 114, рис. 5]). Узкая вертикальная скоба различима также на мече у стоящего воина на надгробии Василида, сына Василида, найденного в Керчи и датирующегося по характеру письма первой половиной II в. н.э. (рис. 11) [von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 87, Nr. 494, Taf. XXXV; КБН 662; Матковская, 2005, с. 377, 388, рис. 10; КЛ-106]. У юноши, стоящем в такой же позе, изображенном на расписном саркофаге конца I в. н.э. из Керчи, длинный меч подвешен к поясу, причем художник ясно показал, что у меча имеется прямое перекрестье [Ростовцев, 1913–1914, с. 379, табл. ХСШ.1; Ернштедт, 1955, с. 269, № 1; с. 270, рис. 19; Соколов, 1973, с. 109, рис. 113; Савостина, 1983, с. 47, рис. 3; Cat. Los Angeles, 2007, p. 34, fig. 3.10a].

2.2.2. Гориты и колчаны центрально-азиатского типа

О том, что на некоторых боспорских рельефах изображены не гориты скифского типа, а колчаны цилиндрической формы из двух отделений и луки составного так называемого «гуннского типа», уже неоднократно писали [Десятчиков, 1972, с. 71, 72, 77; Горончаровский, 2001б, с. 72, 79; von Gall, 2002, S. 405–407]. Колчаны с двумя вертикальными цилиндрическими отделениями изображены у всадников не на трех рельефах, как писал Х. фон Галл [2002, S. 405], а на одиннадцати рельефах, в том числе на семи из рассмотренных выше рельефов, на которых изображены «всаднические» кинжалы (кат. № 2–4; 12, 13, 23, 44) (рис. 10), а также у всадников на более поздних рельефах II в. н.э. без изображения кинжалов: стеле Аполлонида, сына Апатурия, поставленной старшему брату Фарнаку (кат. № 73); на стеле Констанция и Мирмекса (кат. № 75), в том числе на датированном 476 г. боспорской эры (179 г. н.э.) надгробии Агафа, сына Саклея, извлеченного из стены современной постройки в хуторе Приморском близ Фанагории (кат. № 74).

Очевидно, в некоторых случаях на рельефах изображены гориты с тремя отделениями — в крайнем левом находился сложносоставной лук «гуннского» или правильнее — «центрально-азиатского» типа [Хазанов, 1971, с. 30–35;

Рис. 4. Стела Артемидора, сына Диоги (кат. № 8). Лондон, Британский музей, инв. GR.1856.7-10.23. 1 – общий вид; 2 – деталь. Фото по: КБН-Альбом 584

Маслов, 1999, с. 222; Литвинский, 2001, с. 42–58; Никоноров, 2002, с. 281–285] со спущенной тетивой (кат. № 3, 4, 12, 23) (рис. 10. 1–3). Такие колчаны и гориты носят на правом боку в отличие от горитов с луком скифского типа, чаще представленных на рельефах с изображением «всаднических» кинжалов и всегда изображаемых слева (кат. № 5–8, 10, 11, 14, 16–18) (рис. 3–6).

В этой связи заслуживает упоминания и надгробный рельеф Матиана, сына Заидара, найденный на Таманском полуострове, поставленный от имени царицы Динамии, на котором изображен всадник с притороченным к седлу справа узким колчаном цилиндрической формы и луком центрально-азиатского типа со спущенной тетивой (кат. № 72).

2.3. Классификация сюжетов с изображением кинжалов, длинных мечей, пристегнутых к горитам, и горитов центрально-азиатского типа на боспорских стелах

Типологически стелы с изображением рассматриваемых видов оружия относятся преимущественно к группе с изображением всадников [Бритова, 1948, с. 53–56; Иванова, 1962, с. 169–180; Матковская, 1983, с. 126–130], в том числе на многоярусных надгробиях [Савостина, 1992, с. 357–386].

2.3.1. Стелы с изображением кинжалов

Кинжалы представлены преимущественно на надгробиях с изображениями всадников (в 47 случаях из учтенных 52, т.е. примерно в 90,5%). По подсчетам П.-А. Кройца, они присутствуют на значительном количестве стел с всадниками (14% — достоверно, 8,5% — предположительно [Kreuz, 2003, S. 207]). Эта цифра теперь может быть несколько скорректирована в сторону увеличения процента стел с изображением кинжалов на стелах с всадниками вообще (рис. 2–6). Значительно реже мы встречаем изображения кинжалов на бедре у стоящих воинов (рис. 1). Если попытаться посмотреть, как распределяются изображения кинжалов на стелах в случае создания более дробной их классификации, получается следующая картина.

Для изображений всадников уникально изображение одного всадника без дополнительных персонажей, которое зафиксировано лишь на надгробии кат. № 23. В других случаях кинжалы у всадников распределяются равномерно (24 и 23 экз.) среди стел с одним всадником и дополнительными персонажами (группа 1) (рис. 3, 4; 6. 1, 2) и двумя всадниками и дополнительными персонажами (группа 2) (рис. 2. 5; 6. 3, 4).

Напротив, гориты центрально-азиатского типа представлены почти исключительно на стелах с двумя всадниками, изображенными один за другим (рис. 2; 10).

Среди стел первой группы количественно выделяются стелы с изображением всадника вправо, за ним — стоящей фигуры юноши с оружием (доспехом)

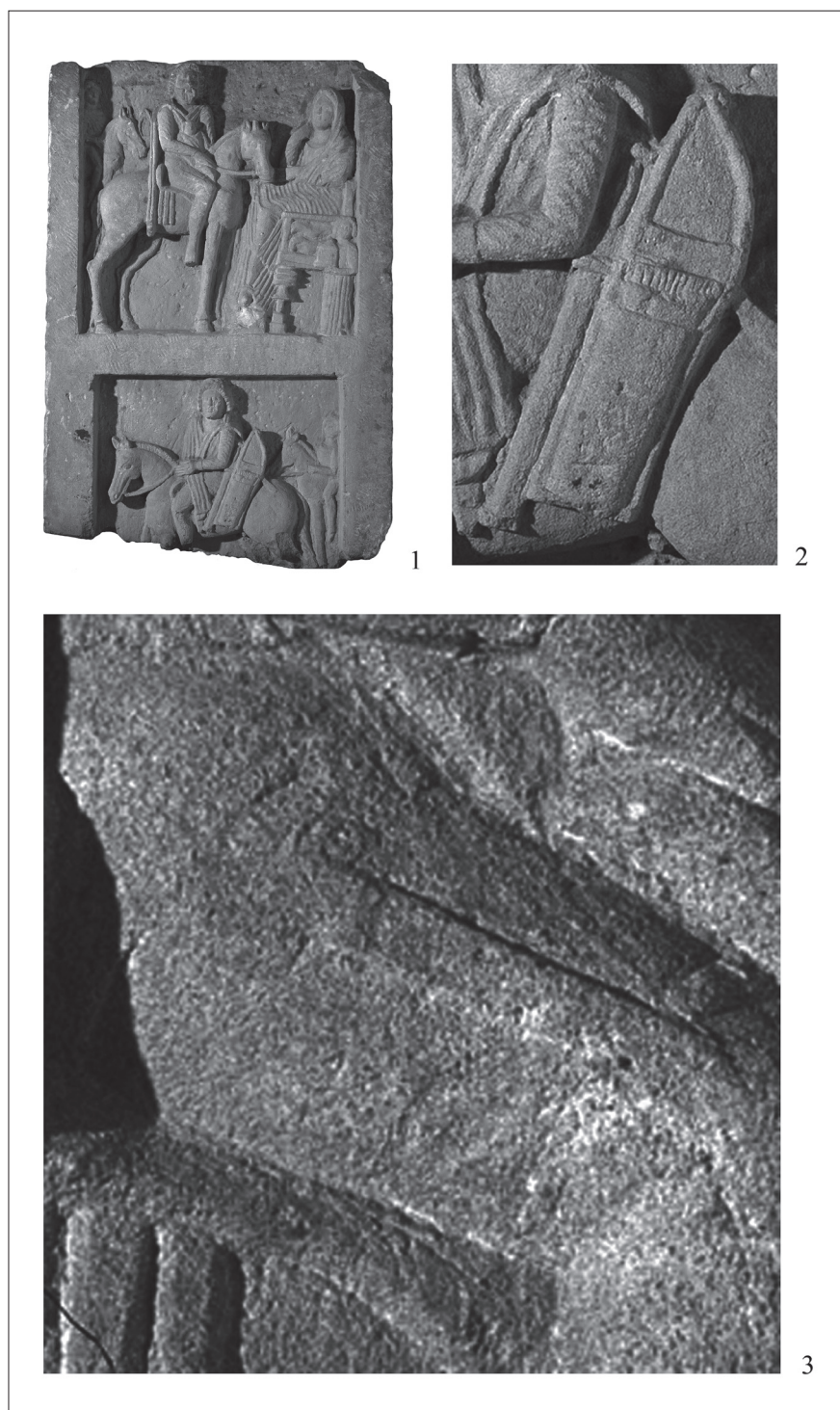

Рис. 5. Стела с утраченной надписью, предположительно найденная в Керчи (кат. № 16). Москва, ГИМ, инв. 5694/8. 1 – общий вид; 2, 3 – детали. Фото Д.В. Журавлева

или без него (14 экз. или 26,5% от общего количества стел с изображениями кинжалов) (рис. 3; 6. 1), реже представлены они у всадников вправо, перед которыми изображена сидящая или стоящая женщина (5 экз. или чуть менее 10% от общего количества стел с изображениями кинжалов). Остальные варианты изображений представлены единичными экземплярами.

Среди стел второй группы количественно выделяются стелы с изображением двух всадников вправо, причем один из них представлен полностью, второй, следующим за ним, — лишь частично (рис. 2; 6. 3). (В ряде случаев основные персонажи дополняются изображением фигур юношей с кубком в руке или сидящей женской фигуры (рис. 5. 1) (15 экз. или ок. 29% от общего количества стел с изображениями кинжалов.) Значительно реже (6 экз., или 11,5% от общего количества стел с изображениями кинжалов) приводятся изображения кинжалов на бедре на стелах с геральдическими композициями из двух всадников, обращенных друг к другу.

2.3.2. Стелы с изображением длинного меча, пристегнутого к гориту

Из учтенных нами 34 стел с изображением длинного меча, пристегнутого к гориту, количественно преобладают стелы группы 1 (20 экз., или около 59% от общего количества стел) (рис. 8. 2). В 15 случаях меча, пристегнутые к горитам, изображались на стелах с двумя всадниками и дополнительными персонажами (около 44% от общего количества стел) (рис. 8. 1). У пеших воинов горитов с пристегнутыми мечами нет.

Среди стел первой группы, как и в случае с изображениями кинжалов, количественно выделяются стелы с всадником и стоящей за ним фигурой юноши с оружием (доспехом) или без него (9 экз., или ок. 26,5% от общего количества стел), а также сцены с всадником и сидящей перед ним в кресле женщиной (рис. 8. 2), в том числе с дополнительными персонажами (6 экз.). Отметим единичный случай с изображением всадника влево, перед ним стоящий юноша со скрещенными ногами, опирающийся на колонну (кат. № 59) — такие сцены с изображением кинжалов нам не известны.

Среди стел второй группы количественно выделяются стелы с изображением двух всадников, причем один всадник представлен полностью, второй, следующим за ним, — лишь частично (рис. 8. 1) (12 экз., или ок. 35% от общего количества стел). Значительно реже (3 экз., или ок. 9% от общего количества стел) присутствуют изображения длинных мечей, пристегнутых к горитам, на стелах с геральдическими композициями из двух всадников, обращенных друг к другу.

2.3.3. Стелы с изображением горитов центрально-азиатского типа

Гориты с луками или колчаны центрально-азиатского типа представлены на 11 стелах, причем только у всадников (рис. 10). Особенностью является изобра-

Рис. 6. 1, 2: стела Клеона, сына Клеона (кат. № 5).
 Детали. Ст. Петербург, ГЭ, инв. П.1829.8.
 Фото Гос. Эрмитажа. – 3, 4: стела Агафуса, сына Гезуса (кат. № 30).
 Детали. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-356. Фото М.Ю. Трейстера

жение горитов в двух случаях на стелах с одним всадником без дополнительных персонажей. Среди двух других групп сюжетов, характерных и для стел с изображениями кинжалов и длинных мечей, пристегнутых к горитам, чрезвычайно высок процент стел второй группы с двумя всадниками с дополнительными персонажами (8 экз., или ок. 73% от общего количества стел), и лишь одна стела представляет одного всадника с юношей с кувшином в руке (кат. № 73). Среди стел с двумя всадниками абсолютно преобладают стелы, где один всадник изображен полностью, второй, следующим за ним, — лишь частично (7 экз., или ок. 64% от общего количества стел), тогда как доля стел с геральдическим изображением двух всадников очень низка (1 экз., или 9% от общего количества стел).

2.3.4. Предварительные выводы

При попытке корреляции изображений различных видов оружия на боспорских стелах, в случае более дробной классификации сюжетов, проявляются определенные закономерности. Если распределение изображений кинжалов и длинных мечей, пристегнутых к горитам, более-менее близко, то в случае с изображениями горитов и колчанов центрально-азиатского типа бросается в глаза преобладание таких изображений на стелах с двумя всадниками, один из которых, следующий за главным персонажем, изображен лишь частично.

3. Археологические реалии

3.1. Мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем и длинные мечи в Северном Причерноморье

3.1.1. Мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием и длинные мечи в сарматских и позднескифских могильниках

Мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием, были широко распространены в Северном Причерноморье, начиная с конца II в. до н.э., в основном в I — первой половине II вв. н.э., хотя некоторые образцы встречаются и в погребениях II–III вв. н.э.; они представлены преимущественно находками из сарматских погребений [Симоненко, 1984, с. 135–142, рис. 6–8; Скрипкин, 1990, с. 120–125, рис. 20, 21; Simonenko, 2001, S. 219–225, 236–238, Abb. 25; Пуздровский, 2005, с. 315–317, рис. 1. 1–4; 2. 1–4; Пуздровский, 2007, с. 129, 130, рис. 86. 1–3; 87; 88. 1–4]. На Северном Кавказе мечи с кольцевидным навершием обычно датировали I в. до н.э. — I в. н.э. [Хазанов, 1971, с. 10]. Они были распространены и среди оседлого населения Центрального Предкавказья того же времени [Абрамова, 1993, с. 69, 70]. В Прикубанье мечи такого типа датируются в рамках I в. до н.э. — II в. н.э. [Марченко, 1996, с. 54, 55]. В Крыму наи-

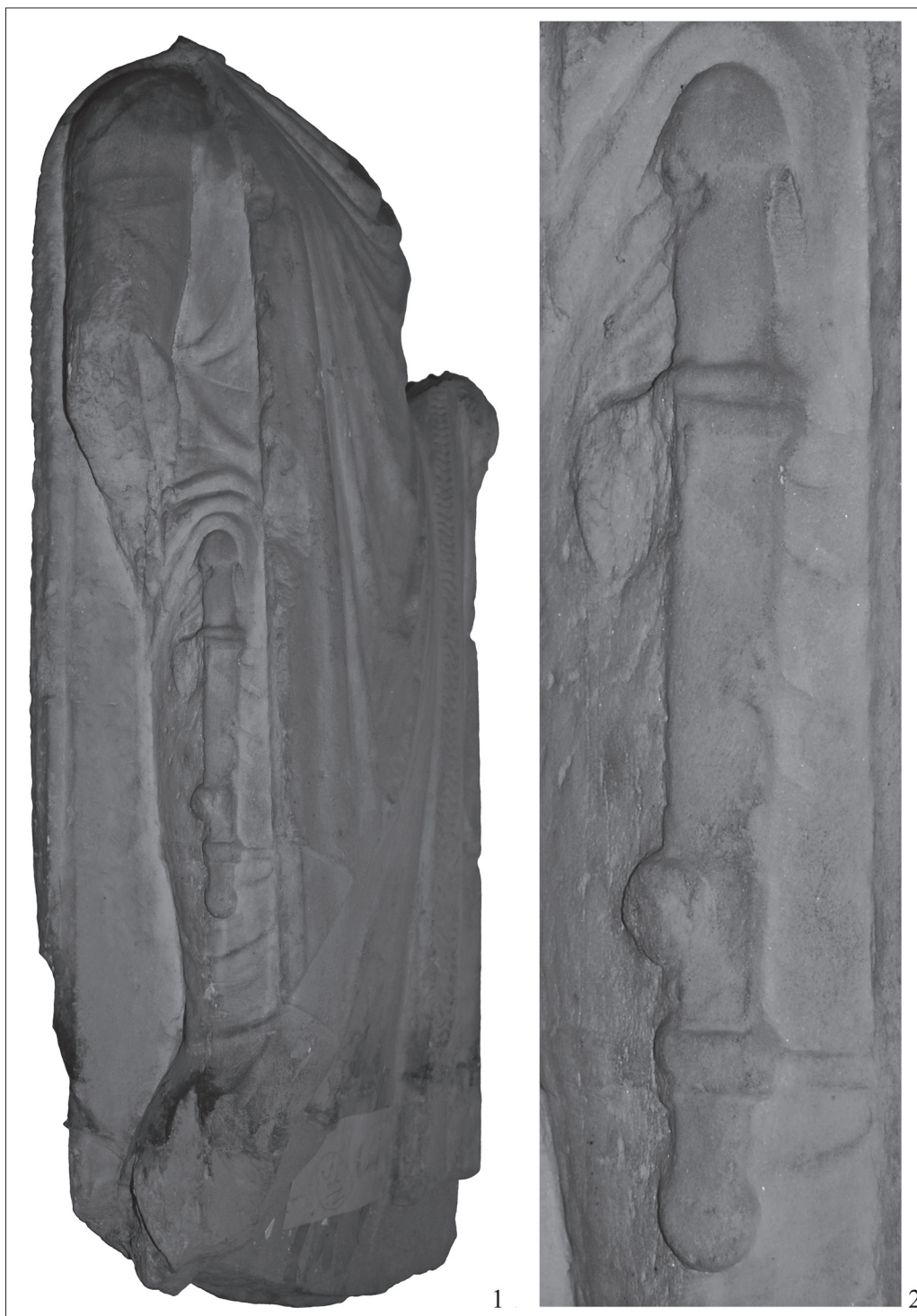

Рис. 7. Стела из Анапы. Покупка у Рудковской. Москва, ГИМ, инв. 15703. Б-97. 1 – общий вид; 2 – деталь. Фото Д.В. Журавлева

более представительная серия аналогичных коротких мечей и кинжалов происходит из погребений рубежа I–II и начала II вв. н.э. Усть-Альминского могильника. При этом мечи имеют длину от 41 до 53 см, кинжал из склепа № 715–22,5 см [Пуздровский, 2007, с. 130], кинжал из катакомбы № 620, погребение № 2, – 37,5 см [Loboda et al., 2004, S. 331, 332, Nr. 1, Abb. 20. 22]. В некрополе Кобякова городища на Нижнем Дону в погребении № 14/1960 II в. н.э. у правого плеча погребенного был найден кинжал общей длиной 27,5 см. От его ножен сохранились следы дерева [Косяненко, 2008, с. 160, 429, 430, № 5; рис. 90. 2; 91. 3]. Мечи и кинжалы рассматриваемого типа, вероятнее всего, имеют восточные (китайские и центральноазиатские) прототипы [Скрипкин, 2000, с. 26], что, видимо, подтверждают находки таких кинжалов на Южном Урале и в Нижнем Поволжье уже в комплексах III–II вв. до н.э. [Васильев, 2001, с. 52, рис. 15. 9–11; Клепиков, 2002, с. 30, 31, рис. 2. 33, 34].

Мечи с длинными, обычно от 80 до 110 см, и узкими клинками, с длинными рукоятями в виде штырей, как правило, без перекрестья, появляются у сарматов, как и короткие мечи-кинжалы с перекрестьем и кольцевидным навершием, еще во II–I вв. до н.э., однако количественно значительно уступают последним. Наиболее поздние экземпляры представлены в комплексах первой половины – середины III в. н.э. [Симоненко, 1984, с. 142–146; Абрамова, 1993, с. 148, 162; Марченко, 1996, с. 56–59; Безуглов, 2000, с. 174; Пуздровский, 2007, с. 131, 132, рис. 88. 5–8]. Вероятно, происхождение этих мечей также связано с центрально-азиатским регионом [Безуглов, 2000, с. 174]. В Подонье наиболее широкое распространение длинные мечи, количество которых и в памятниках I в. н.э. незначительно, получают в эпоху позднесарматской культуры, с середины II по середину III вв. н.э. [Безуглов, 2000, с. 176–180]. В Крыму заметное увеличение количества таких мечей происходит в середине – второй половине I в. н.э. [Пуздровский, 2007, с. 131, 132].

Среди длинных мечей из сарматских погребений выделяется серия с короткими ромбической формы перекрестьями из железа, бронзы или нефрита, при этом перекрестье некоторых мечей имеет вырез или обращенный вниз клинообразный выступ – эти мечи датируются в рамках II/I вв. до н.э. – II/III вв. н.э. Эти мечи имеют китайское происхождение или китайские прототипы [Скрипкин, 2000, с. 17–29, рис. 1, 2]⁴. При этом в Китае скобы ножен, а также их наконечники, перекрестия мечей и навершия их рукоятей чаще всего изготавливались из нефрита и искусно оформлялись [Trousedale, 1975, p. 3–70; Sun Ji, 1985, p. 48–60; Winkelmann, 2003, S. 89–93; Keene, 2005, p. 196–203]. Например, детали меча и ножен, найденные в датируемой 122 г. до н.э. гробнице Жао Мао второго царя Хан Юе, открытой в провинции Гуанчжоу [Cat. Frankfurt, 1998, S. 222–225, Nr. 39]. Находки нефритовых скоб и перекрестий известны в позднесарматских комплексах Подонья [Максименко, Безуглов, с. 1987, 183, 185, рис. 2. 7; Безуглов, 2000, с. 176, рис. 1.1. 3.

⁴ См. об аналогичном длинном мече из могилы № 344 Заветнинского могильника в Крыму: Волюшинов, Масыкин, 2007, 294, 302, рис. 8. I. 8.

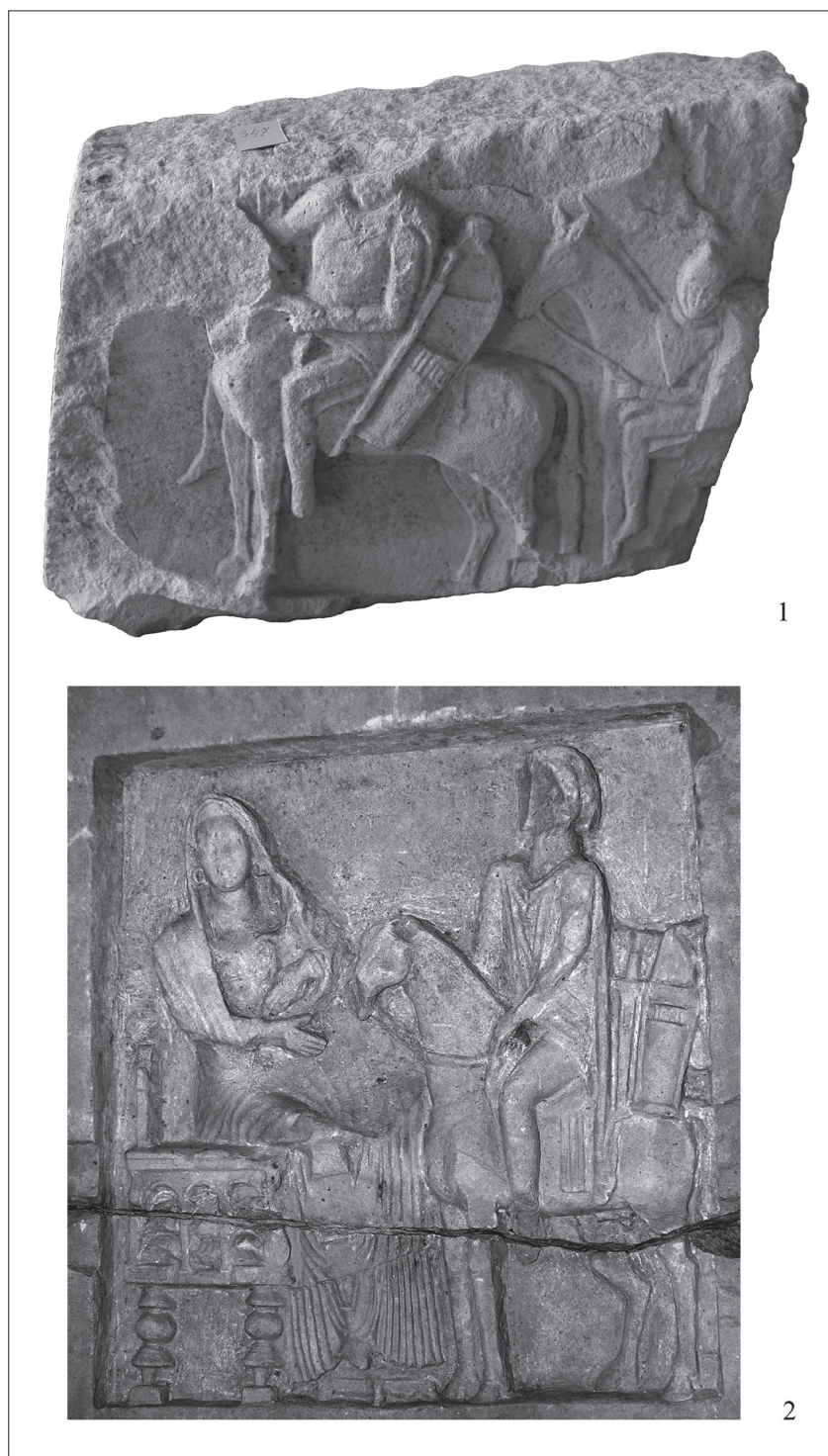

Рис. 8. 1: стела с утраченной надписью, предположительно, из Керчи (кат. № 66). Керчь, КИКЗ, инв. КЛ -347. – 2: верхний фриз стелы Нисы, жены Гермеса (кат. № 60). Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-1986. Фото М.Ю. Трейстера

12, 13; Cat. Paris, 2001, p. 246, no. 282]. Вполне очевидно, что выделяется две группы таких деталей мечей — богато украшенные и неорнаментированные, последние из которых преобладают. По поводу их происхождения высказывались различные точки зрения — об их производстве в Северном Причерноморье [Trousdale, 1975, p. 103] и периферийных мастерских Ханьской державы [Безуглов, 2000, с. 177].

Совместные находки длинного меча с бронзовым перекрестьем и кинжала с кольцевым навершием и прямым перекрестьем известны в некоторых сарматских комплексах, датирующихся еще II–I вв. до н.э., на Нижнем Дону (могильник Суходюдеревски-II, курган № 1, погребение № 17 [Глебов, 2007, с. 67, 82, рис. 8. 17, 18]) и в Нижнем Поволжье (погребение № 7 кургана № 3 Чкаловского могильника [Скрипкин, 2000, с. 20, рис. 1. 8: длинный меч). Хотя значительно чаще в памятниках этого времени представлены совместные находки длинного меча с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием и кинжала с прямым перекрестьем и антенновидным навершием [см. Скрипкин, 2006, с. 13, 28, рис. 8. 1–12]). В погребениях II в. до н.э. знатных воинов саргатской культуры Западной Сибири также представлены совместные находки длинных мечей и кинжалов с прямым перекрестьем — последние положены у правого бедра (Сидоровка, курган № 1, могила № 2 [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 12, 13, 133, рис. 9; с. 43, рис. 26. 5. 8. — Исаковка-I, курган № 3, могила № 6: Погодин, 1998, с. 36–38]). Находки в погребении первой половины 1 в. н.э. № 4 Тиллятепе в Северном Афганистане, в котором длинный меч, положенный слева [Сарианиди, 1989, с. 105], сочетался с закрепленным на правом бедре кинжалом с прямым перекрестьем в ножнах с боковыми выступами, также, вероятнее всего, свидетельствуют о восточных корнях такого сочетания клинкового оружия. Для сарматских и позднескифских погребений Крыма первых веков н.э. такое сочетание редко. Редким исключением, подчеркивающим вспомогательную функцию такого кинжала, является комплекс оружия из погребения № 1 склепа 777 Усть-Альминского некрополя, в котором у правого бедра лежал меч с кольцевидным навершием, а вдоль левой стороны туловища — длинный меч с рукоятью, штырем и ромбовидным перекрестьем предположительно ханьского типа [Пуздровский, 2005, с. 319, рис. 2. 2. 7; Пуздровский, 2007, с. 132, рис. 87. 2. 8]. В сарматском погребении II в. н.э. № 1 кургана № 25 могильника Валовый-I на Нижнем Дону в погребении воина два кинжала с кольцевидным навершием сочетались с длинным мечом без перекрестья с рукоятью с бронзовым навершием, обтянутым золотым листом с декором из зерни и вставками разноцветного стекла [Беспалый, Беспалая, Раев, 2007, с. 60, 61, № 13, 15, 21, табл. 73. 4; 75. 4].

3.1.2. Мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием и длинные мечи в некрополях Боспора

Находки мечей и кинжалов с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием известны и в боспорских некрополях, хотя мечи и кинжалы в погребениях боспорских некрополей I–II вв. н.э. встречаются чрезвычайно редко, несмотря на

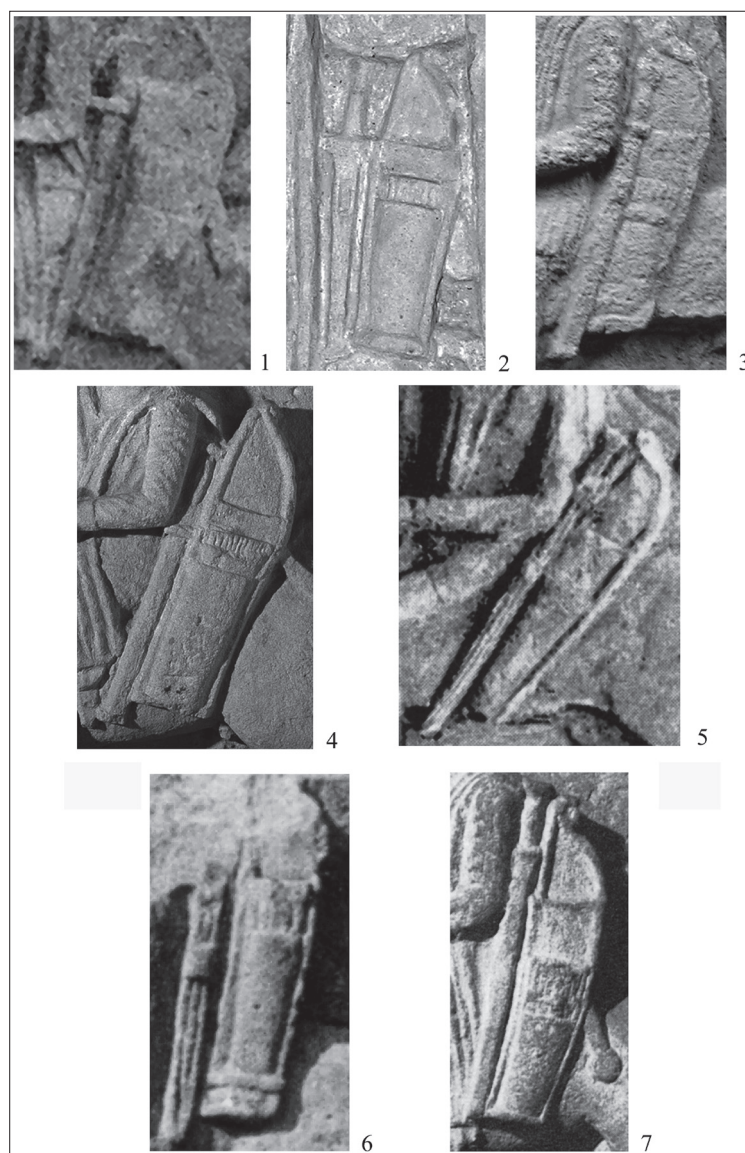

Рис. 9. Длинные мечи, пристегнутые к горитам «скифского» типа, изображенным на боспорских стелах. 1 – на стеле с утраченной надписью, приобретенной в Керчи. Керчь, КИКЗ (кат. № 51); 2 – на верхнем фризе стелы Нисы, жены Гермеса. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-1986 (кат. № 60); 3 – на стеле Протиона, сына Камарсадза. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-176 (кат. № 59); 4 – на стеле с утраченной надписью, предположительно из Керчи. Москва, ГИМ, инв. 5694/8 (кат. № 16); 5 – на двухъярусной стеле с утраченной надписью. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-266 (кат. № 69); 6 – на верхнем фризе стелы, Исиона, сына Папия. Симферополь, КРУ Центральный Музей Тавриды, инв. КП-12538, А-20186 (кат. № 55); 7 – на стеле Фанна, сына Фанна. Херсон, ХОКМ, инв. А-5800 (кат. № 61). 1, 6 – фото по: von Kieseritzky, Watzinger 1909; 2, 3 – фото М.Ю. Трейстера; 4 – фото Д.В. Журавлева; 5 – фото по: Иванова, 1961; 6, 7 – фото по: КБН-Альбом

бытующее в литературе мнение об увеличении количества погребений с оружием [Rostowzew, 1931, S. 212; Масленников, 1990, с. 41]. Эта точка зрения основывается в значительной степени на неполной сводке находок мечей в некрополе Пантикапея, составленной М.И. Ростовцевым [Rostowzew, 1931, S. 213–216] и воспроизведенной Г.А. Цветаевой. При этом у Г.А. Цветаевой [1951, с. 82] речь идет не о коротких мечах и кинжалах, а о длинных мечах размером 0,61–1,11 м. В сводке, опубликованной Н.И. Сокольским [1954, с. 154, 182], собрана информация о 63 находках длинных мечей на Боспоре, датируемых в рамках I в. до н.э. — II в. н.э., при этом исследователь отмечал, что среди известных ему археологических находок длинных мечей с перекрестьями нет [Сокольский, 1954, с. 153].

В реальности статистические данные по погребениям с оружием в некрополях Боспора для рассматриваемого времени практически отсутствуют. Специально этот вопрос рассматривался для раннего некрополя Кеф, в этой связи привлекались соответствующие материалы по некрополям Европейского и Азиатского Боспора [Сорокина, Сударев, 2002, с. 234–240]. При этом исследователи пришли к выводу, что обычай класть в могилы оружие в целом характерен для некрополей VI–IV вв. до н.э. (преимущественно азиатской части Боспора), а в эллинистическую эпоху, «как и везде на Боспоре (кроме Пантикапея), оружие из погребений пропадает» [Сорокина, Сударев, 2002, с. 238].

Исследователи наиболее полно на сегодняшний день опубликованного боспорского некрополя — Танаиса неоднократно отмечали редкость находок оружия в целом и мечей [Шелов, 1961, с. 70; Арсеньева, 1977, с. 133]. Наибольший процент погребений с оружием здесь приходится на III–I вв. до н.э. (около 25%). При этом мечи были найдены менее чем в 5% погребений эллинистического времени [Глебов и др., 2005, с. 52], а в I–II вв. н.э. погребения с оружием составляют лишь 12,7% от общего количества погребений, причем в большинстве могил оружие представлено лишь несколькими наконечниками стрел [Глебов и др., 2005, с. 60]. Интересно, что процент захоронений с оружием в некрополях юго-восточной периферии Боспора первых веков н.э. составляет от 8% в могильнике Широкая Балка [Дмитриев и др., 1986, с. 83], до 22% в Цемдолинском могильнике [Малышев и др., 2004, с. 280; Малышев, 2008, с. 155].

Находки мечей в погребениях I в. до н.э. — II в. н.э. некрополя Пантикапея раскопок XIX — начала XX вв. были обработаны Н.И. Сокольским [1954, с. 182–189]. К сожалению, в большинстве случаев по приведенной информации трудно судить о типах мечей и кинжалов. Делать какие-либо статистические выводы на основании приведенной выборки из 57 находок мечей трудно.

Находки мечей отмечаются и в катакомбах конца I — III вв. н.э. некрополя Нимфея [Грач, 1999, с. 116, № 44: склеп № 1/1966; 119, № 26: катакомба K22; 123, № 18: катакомба K13; 126, № 10: катакомба K11]. Однако, поскольку в публикации отсутствуют их подробные описания, определить тип в большинстве случаев не удастся. В катакомбе K25 с материалами первой половины I — конца II вв. н.э. были найдены обломки лезвия меча с перекрестьем и остатками ножен [Грач, 1999, с. 160, № 20–22].

Рис. 10. Гориты и колчаны центрально-азиатского типа, изображенные на боспорских стелах. 1 – на стеле Атта, сына Трифона. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-375 (кат. № 3); 2 – на стеле Стратоника, сына Зеонона. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-141 (кат. № 4); 3 – на нижнем фризе стелы Афения, сына Мены. Местонахождение неизвестно (кат. № 12); 4 – на стеле Дафна, сына Психариона. Ст. Петербург, ГЭ, инв. ПАН. 151 (кат. № 2). 1–3: фото по: КБН-Альбом; 4 – фото ГЭ

Мы располагаем информацией о четырех погребениях некрополя Илурата с находками длинных железных мечей без перекрестий и кинжалов [Горончаровский, 1998, с. 85–89]. Среди этих погребений заслуживает внимания датирующееся второй половиной I в. н.э. погребение № 36/1988 нижнего некрополя с длинным мечом, положенным слева [Горончаровский, 1998, с. 86, 88, рис. 1. 1], и кинжала с клинком длиной 29 см в деревянных ножнах — справа [Горончаровский, 1998, с. 86, 88, рис. 1. 2]. Кинжал, навершие которого не сохранилось, был найден непосредственно у бедренной кости, что дало основание для предположения о том, что он мог быть прикреплен ремешками к бедру [Горончаровский, 1998, с. 86].

В некрополе городища Артезиан в разграбленных погребениях I — первой половины II вв. н.э. неоднократно встречались фрагменты железных длинных мечей и кинжалов. Среди мечей обращает на себя внимание находка в погребении I в. н.э. № 156/2004 — рукоять и деревянные ножны меча были украшены костяными накладками и золотой фольгой на серебряной основе [Антонов, 2004, с. 63–72; Винокуров, 2008, с. 109–111, прим. 9].

В некрополях других сельских поселений Европейского Боспора первых веков н.э. находки оружия вообще практически не известны (могильник у дер. Ново-Отрадное: [Арсеньева, 1970, с. 133]) или представлены единичными находками наконечников стрел и дротиков (Золотое [Корпусова, 1983, с. 35]). Лишь в одной из могил Кыз-Аульского некрополя отмечается находка в ногах костяка «маленького железного кинжальчика, разломанного пополам» [Гайдукевич, 1959, с. 191], и в погребении № 26 некрополя Заморское найден железный кинжал с едва намеченным перекрестьем ромбовидной формы и ручкой в виде штыря [Корпусова, 1973, с. 34, рис. 4. 16; с. 39].

Перейдем к азиатской части Боспора. Не известны находки мечей или кинжалов и в погребениях эллинистического времени и первых веков н.э. некрополя Тирамбы, в которых в редчайших случаях отмечаются находки железных наконечников стрел [Коровина, 1987а, с. 37, 44, 65].

При раскопках Фанагории 1936 и 1950 гг. в погребениях I в. до н.э. — I/II вв. н.э. были найдены два длинных меча. У одного из них перекрестья не было точно, у второго — вероятно [Сокольский, 1954, с. 154, 155, табл. V. 1, 2]. Среди опубликованных А.К. Коровиной [1987b] материалов раскопок некрополя Фанагории III–I вв. до н.э. (104 могилы) ни в одной из них находок мечей или кинжалов не было. При более поздних раскопках некрополя Фанагории было найдено два меча. В погребении № 38/1978, которое датируется в рамках I в. до н.э. — I в. н.э., с внешней стороны левой ноги был положен «железный меч со следами деревянных ножен» [Шавырина, 1978, с. 72]. Тип меча по описанию представить себе трудно. С одной стороны, указывается на то, что его форма характерна для I в. до н.э. — II в. н.э., а с другой — отмечается, что у меча — брусковидное навершие. В грунтовом склепе № 5/1991, датирующемся II–III вв. н.э., отмечается находка «железного меча, вложенного в деревянные ножны, обтянутые серебряными пластинками-оббивками с чеканными ромбами». Интересно, что в данном случае это было, вероятно, погребение всадника [Шавырина, 2000, с. 360].

Рис. 11. Стела Басилида, сына Басилида, из Керчи. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-106.
1 – общий вид; 2, 3 – детали. Фото М.Ю. Трейстера

Редки находки мечей в погребениях I–II вв. н.э. некрополя Горгишии. Они представлены длинными мечами [Кругликова, 1982, с. 137], в частности мечом без перекрестья, положенным слева от погребенного (от предплечья до стопы) в могиле I в. н.э. № 57/1979 по ул. Астраханской [Алексеева, 1982, с. 90, 91, рис. 51. 1].

В могилах I в. до н.э. — I в. н.э. Тузлинского некрополя оружия найдено не было [Сорокина, 1957, с. 45]. В погребениях первых веков н.э. этого могильника находки оружия известны, при этом в земляной могиле № 138(93)/1911 у левого бока костяка лежал железный меч длиной 0,93 м, а у правого плеча — наконечник копья и железный кинжал длиной 0,28 м с навершием в виде крупной бусины из белой массы [Сорокина, 1957, с. 45]. В земляном склепе № 3/1951 был найден железный меч без перекрестья длиной 0,75–0,80 м с навершием из бусины белой пасты цилиндрической формы и кинжал без перекрестья длиной 0,40 м. И меч, и кинжал имели следы дерева от ножен [Зеест, 1953, с. 156, 158, рис. 63. 1; Сокольский, 1954, с. 156, табл. VII. 1 а, б; 158].

К немногочисленным примерам коротких мечей и кинжалов с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием, найденным на Боспоре, приведенным в свое время В. Гинтерсом и Н.И. Сокольским, включающим кинжал, приобретенный в Керчи в 1913 г. [Pharmakowsky, 1914, Sp. 218, Abb. 27; Ginters, 1928, S. 58, Taf. 25e; Сокольский, 1954, с. 149, 150, табл. V. 4] и беспаспортные материалы из Керченского музея [Сокольский, 1954, с. 149, рис. 5. 1, 2], добавим находку такого меча общей длиной 49,7 см в погребении Г2 с кремацией юноши 12–13 лет некрополя Нимфея (рис. 12) [Грач, 1999, с. 97, № Г2.5, рис. 40; табл. 138; Кат. Ст.-Петербург, 1999, с. 100, 101, № 252]. Найденный в погребении асс Котиса I [Грач, 1999, с. 97, № Г2.6] дает *terminus post quem* 49–50 гг. н.э. Отметим в этой связи, что такие погребения связываются с зажиточным населением Нимфея и по времени предшествуют катакомбному некрополю [Грач, 1999, с. 180, 181]. В могиле второй половины II в. н.э. № 227/1996 некрополя Китея были найдены фрагментированный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием длиной не менее 33 см и длинный меч, от которого сохранилось несколько фрагментов лезвия, самый крупный — ок. 34 см (рис. 13. 2) [Хршановский, 2007, с. 183, 191, рис. 3. а, б]. Хотя погребение было частично ограблено и местоположение инвентаря нарушено, тем не менее, фрагменты кинжалы находились справа от погребенного, на уровне бедра, а обломок длинного меча лежал параллельно левому плечу (рис. 13. 1) [Хршановский, 2007, с. 183, 188, рис. 1].

Примерно в четверти случаев (16 из 63 приведенных в сводке находок мечей в погребальных комплексах Боспора I в. до н.э. — II в. н.э.) в одном погребении были найдены и длинный меч, и кинжал (Сокольский, 1954, с. 182–187, № 3, 7, 10, 12, 25, 27, 32–34, 36–38, 40, 45; 189, 190, № 4, 6). Правда кинжалы, в тех случаях, когда о них имеется информация, не имеют перекрестья и кольцевидного навершия. Мечи были найдены как слева, так и справа от погребенных. В трех из четырех погребений с длинными мечами второй половины I — середины III вв. н.э. в некрополе Илурата одновременно с находками длинных мечей были най-

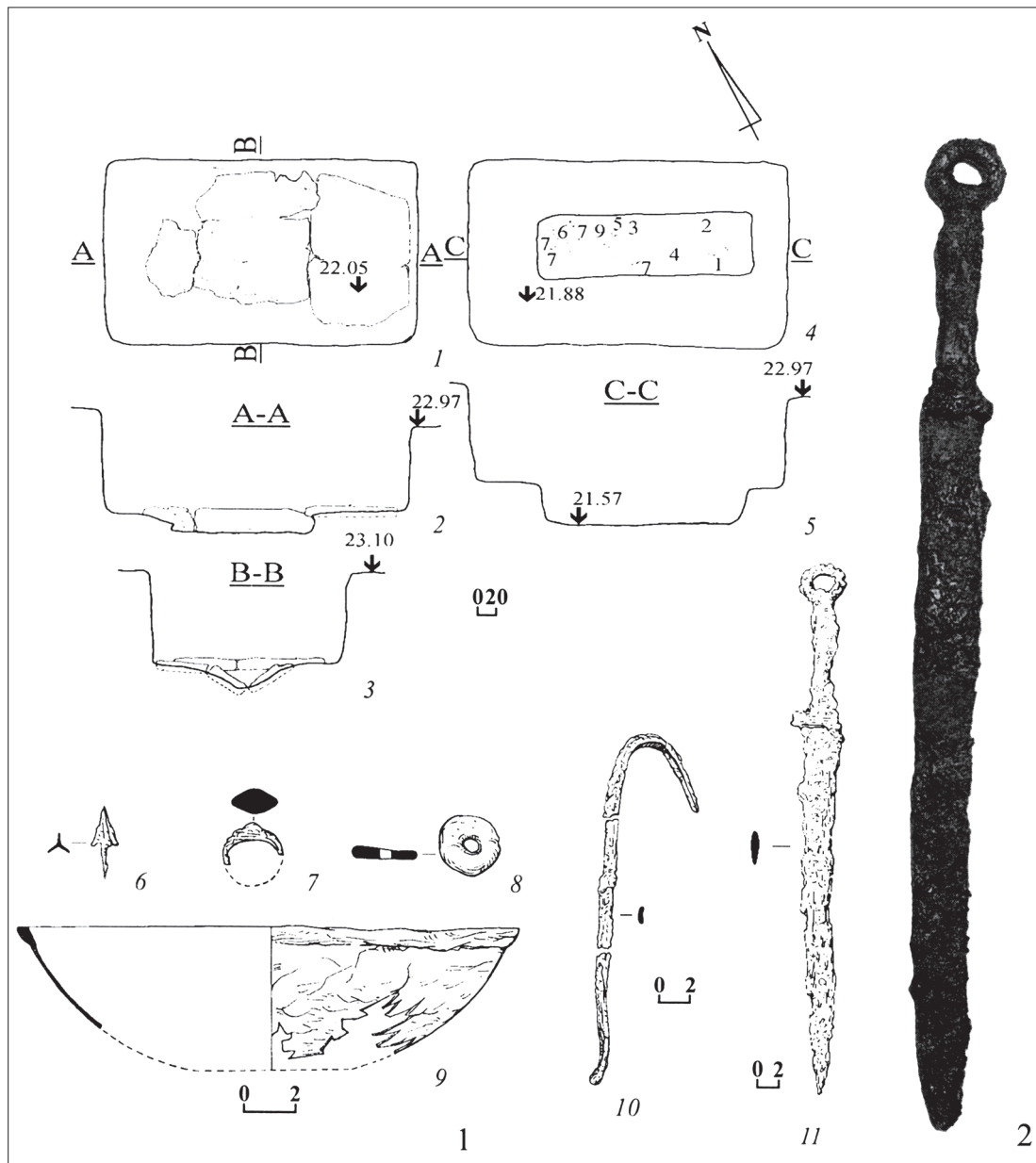

Рис. 12. Могила с трупосожжением Г2 некрополя Нимфея:
 1 – план по: Грач, 1999; 2 – железный меч. Ст. Петербург, ГЭ, инв. ННФ. 76.211,
 Фото по: Кат. Ст. Петербург, 1999, № 252

дены кинжалы [Горончаровский, 1998, с. 85–88]. Впрочем, навершия кинжалов не сохранились, поэтому судить о том, были ли среди них кольцевидным навершием и перекрестьем, нельзя. В двух случаях, когда мечи и кинжалы были найдены *in situ* — мечи были положены в могилы слева, а кинжалы находились справа от покойника. Заслуживают внимания находки из мужского погребения I–II вв. н.э. в катакомбе К4 некрополя Нимфея с находками фрагментов мечей в ножнах [Грач, 1999, с. 141, № 5–7, 9–11; табл. 165. 7–9], в том числе части лезвия длинного меча (дл. 0,70 м) с остатками ножен [Грач, 1999, с. 141, № 12; табл. 165. 10]. Из этого же погребения происходит и железный кинжал с остатками деревянных ножен дл. 26,5 см [Грач, 1999, с. 141, № 8]. Некоторые ограбленные могилы некрополя городища Артезиан также дали совместные находки длинных мечей и кинжалов, от которых, как правило, сохранились только лезвия [Винокуров, 2008, с. 110, 111, прим. 9]. Единственной достоверной археологической находкой кинжала с кольцевидным навершием и длинного меча является комплекс рассмотренного выше погребения № 227/1996 некрополя Китея (рис. 13).

3.1.3. Мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием и длинные мечи в сармато-меотских могильниках на периферии Боспора

К первой половине I в. н.э. относится погребение всадника из некрополя, находящегося рядом с укрепленной усадьбой на берегу р. Цемес у пос. Цемдолины под Новороссийском. Вдоль правого бедра всадника, захороненного в катакомбе по меотскому обряду (его лошадь также была погребена с ним), был положен меч длиной 0,51 м с кольцевым навершием [Малышев, Трейстер, 1994, с. 66, 67, № 10, табл. 2. 1; 3. 1; Malyšev, Treister, 1994, S. 41, 42, Abb. 2; S. 57, Abb. 15; S. 58, Nr. 10; Malyshev, Treister, 1994, p. 30, fig. 2. a, b; p. 33, fig. 4; Малышев, 2008, с. 158, 159, табл. 15, рис. 111]. Интересно, что в целом для этого некрополя находки коротких мечей с кольцевидными навершиями и прямыми перекрестиями длиной 38–51 см (3 экз.) характерны для захоронений воинов без лошадей, тогда как для захоронений всадников обычны (12 экз.) находки длинных мечей без наверший и перекрестий. Заслуживает внимание и находка в могильнике одного длинного (78 см) меча с брусковидным перекрестием без навершия [Малышев, Трейстер, 1994, с. 59; Малышев, 2008, с. 154–158, табл. 15, рис. 111].

В расположенном в этом же регионе некрополе у пос. Мысхако было открыто погребение воина, датированное золотым статером Котиса 49 г. н.э. с длинным мечом (0,95 м), положенным вдоль левого бока погребенного [Онайко, 1983, с. 82–86, рис. 1; 4. 1; Сапрыкин, 2002, с. 254]. Из этого же могильника происходит погребение с мечом длиной 0,61 м предположительно с кольцевидным навершием, в деревянных ножнах с бронзовыми обкладками устья и наконечника [Dmitriev et al., 1999, S. 461, Abb. 19; S. 463, Abb. 21].

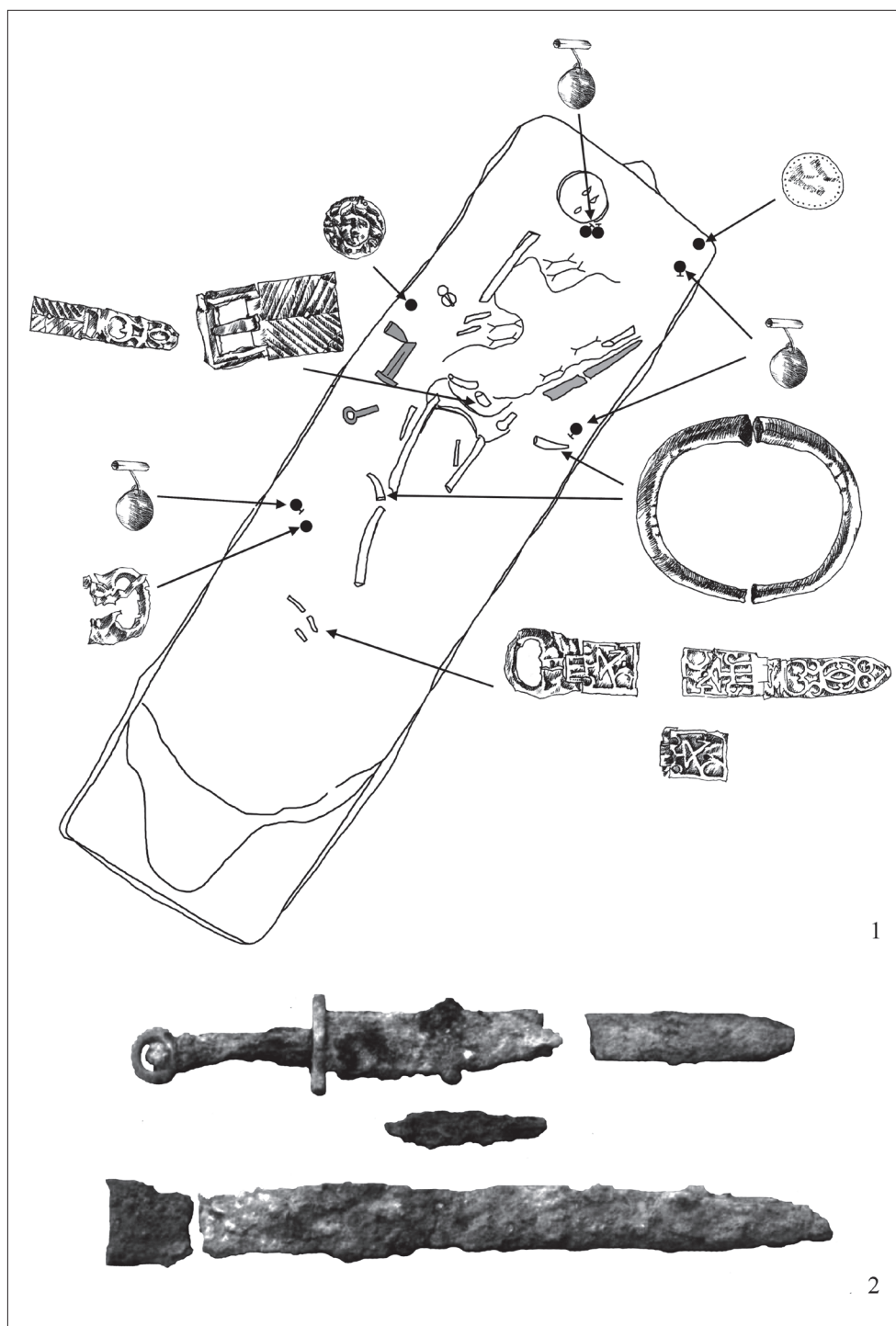

Рис. 13. Погребение № 227/1996 некрополя Китя.
 1 – план, М.Ю. Трейстер по материалам В.А. Хриановского;
 2 – фрагменты меча и кинжала. Керчь, КИКЗ; фото В.А. Хриановского

3.2. Колчаны с вертикальными отделениями

Археологические находки колчанов с двумя вертикальными отделениями для стрел в Северном Причерноморье зафиксированы не были. Исследователи предположительно восстанавливали колчаны, например, из Суловского могильника, как цилиндрическую коробку, сужающуюся книзу, сверху имеющую кожаную крышку, и сопоставляли их с изображениями на фреске со сценой охоты из Дура-Европос, а также с изображениями на Сасанидском серебре [Хазанов, 1971, с. 43]. Находка в склепе № 777 Усть-Альминского могильника спекшихся наконечников стрел с остатками древесного тлена позволяет реконструировать их как деревянную коробку цилиндрической или усеченно-конической формы длиной 60–70 см и диаметром 12–15 см [Пуздровский, 2007, с. 135, рис. 93. 6]. Колчаны крепились к поясу при помощи портупей, металлические детали которой найдены во многих погребениях сарматской знати I в. до н.э. — I в. н.э. (см., например, примеры, приведенные Пуздровским [Пуздровский, 2007, с. 136]). Кожаный колчан цилиндрической формы, окрашенный в красный цвет, реконструируется и по находке в погребении № 1 кургана № 2 у с. Пороги. Железные наконечники стрел, найденные в колчане, относятся к восточным типам и имеют многочисленные параллели в Центральной Азии [Симоненко, Лобай, 1991, с. 45, 46; подробнее о позднескифских и сарматских колчанах, см. Simonenko, 2001, S. 199–201]. Предположительно как колчан интерпретируется происходящий из Дура-Европос кожаный бесшовный предмет цилиндрической формы, сужающийся на конус, сохранившейся длиной 27,5 см и диаметром 9–15 см и изготовленный из кожи шеи молодого верблюда [James, 2004, p. 199, no. 653; p. 200, fig. 121].

В.И. Сарианиди отмечает находку в мужском погребении № 4 некрополя Тилля-тепе за гробом двух колчанов, лежавших на складном походном кресле, и двух луков, положенных рядом с ним. От последних остались два комплекта роговых накладок [Sarianidi, 1985, S. 36; Сарианиди, 1989, с. 85, рис. 30. 1; с. 110]. «Судя по сохранившимся остаткам, оба лука были вставлены в кожаные футляры, расписанные сверху ярко-красными узорами». [Сарианиди, 1989, с. 110]. О конструкции колчанов В.И. Сарианиди подробно не пишет, отмечая лишь находку, служившую, вероятно, его крышкой. Между тем, судя по плану погребения [Сарианиди, 1989, с. 85, рис. 30. 1], найденные четыре золотые пластинчатые обкладки диаметром 7,0 и 7,5 см и высотой 5,0 см с наибольшей вероятностью [ср. также Маслов, 1999, с. 222] служили обоймами двух верхних и нижних цилиндрических отделений одного колчана [Sarianidi, 1985, S. 36, 251, Nr. IV. 32]. В одном из них находились стрелы с железными наконечниками [Sarianidi, 1985, S. 36, 251, Nr. IV. 37; S. 211, Abb. 156], причем серебряная крышка цилиндрической формы диаметром 7,5 см и высотой 11 см, украшенная гравированным и позолоченным растительным декором, с кольцом сверху [Sarianidi, 1985, S. 36, 251, Nr. IV. 33; S. 210, Taf. 155] закрывала одно из отделений колчана. Таким образом, находки из этого погребения представляют собой, на наш взгляд,

единственное известное археологическое подтверждение бытования колчанов цилиндрической формы с двумя трубчатыми отделениями на рубеже н.э. — в первой половине I в. н.э.

4. Сопоставление изобразительных материалов и археологических реалий

4.1. Короткие мечи и кинжалы с прямым перекрестьем

4.1.1. Мечи и кинжалы с волотообразным навершием

Волотообразная форма навершия кинжала, изображенного у всадника на стеле Дафна сына Психариона (кат. № 2; рис. 2. 3), напоминает навершие кинжала из погребения второй половины I в. до н.э. кургана № 1 у хут. Зубова [Думберг, 1899, с. 97; Ростовцев, 1918, с. 53; Гущина, Засецкая, 1989, с. 116, № 124, табл. XI; Cat. New, York, 2000, p. 187, no. 134]. Его длина составляет 28,5 см. Этот кинжал имеет прямое перекрестье. Перекрестье и навершие инкрустированы тонкими золотыми полосками (рис. 3. 4). Мотив и техника инкрустации напоминают декор железных мечей IV в. до н.э. из Филипповского могильника в Южном Приуралье, что уже отмечалось исследователями [Cat. New York, 2000, p. 187, no. 134]. Примерно этим же временем (I в. до н.э. — начало I в. н.э.) датируются железный кинжал с волотообразным навершием длиной 35 см из сарматского погребения № 2 кургана № 1/1967 у с. Ново-Луганское, лежавший в погребении параллельно правой руке погребенного [Шаповалов, 1973, с. 85–87, рис. 4. 1; Симоненко, 1984, с. 132, 133], и подобный кинжал из впускного сарматского погребения у с. Чкалово в степном Крыму [Симоненко, 1984, с. 132, 133, рис. 4]. Оба этих кинжала в отличие от кинжала, изображенного на стеле Дафна и кинжала из кургана у х. Зубова, не имеют перекрестий.

Подобное, но упрощенной формы бронзовое навершие имеет железный кинжал длиной 35 см с прямым перекрестьем, найденный под правой бедренной костью костяка в погребении кургана № 17/1972 Бережновского могильника в Нижнем Поволжье, которое датируется не позднее рубежа II–III вв. н.э. Рукоять и деревянные ножны этого парадного кинжала были украшены обкладкой из золотой фольги с геометрическим орнаментом [Федоров-Давыдов, 1980, с. 235–238, рис. 1, 2; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 18, 19; 43, 44. рис. 26; Симоненко, 1984, с. 135]. Еще один подобный биметаллический кинжал длиной 34 см был найден под правым бедром погребенного в сарматском погребении II–III вв. н.э. кургана № 25/1972 у с. Сидоры Волгоградской области [Скрипкин, Мамонтов, 1977, с. 285–287; Федоров-Давыдов, 1980, с. 237, 238; Симоненко, 1984, с. 133, 135].

Уже отмечалось, что короткие мечи и кинжалы с такими навершиями, входящими к раннесарматским образцам Волго-Уральского региона, известны

на протяжении всей савроматской и сарматской культуры [Симоненко, 1984, с. 135; Скрипкин, 1990, с. 124, рис. 22. 18–20]. Аналогичные кинжалы длиной 29–32 см встречены в бактрийских могильниках Южного Таджикистана I–II вв. н.э. [Мандельштам, 1966, с. 103–111, табл. XXXIX–XL; Cat. Zürich, 1989, S. 27, Nr. 27; Литвинский, 2001, с. 236–238, табл. 58; 61. 3–13], а также в курганах Согда. В частности, такой кинжал длиной 34 см был найден в погребении кургана № 16 Кызылтепинского могильника, которое датируется рубежом н.э. или I в. н.э. [Обельченко, 1978, с. 122, рис. 4; Обельченко, 1992, с. 152, 153].

4.1.2. Мечи и кинжалы с кольцевидным навершием

Форма большинства кинжалов, представленных на рассматриваемых бо-спорских надгробиях, сопоставима, например, с парадным кинжалом из сарматского погребения № 1 кургана у с. Пороги, имеющего длину 31,5 см. У этого кинжала кольцевидное навершие, прямое перекрестье и он был вложен в деревянные ножны, обтянутые красной кожей. При этом рукоять кинжала и ножны были украшены накладными золотыми пластинками с изображением львов и пластинками с филигранным декором с пастовыми вставками. Кинжал был найден лежащим вдоль правого бедра, несколько под углом к бедренной кости погребенного, при этом его навершие находилось на уровне костей таза [Симоненко, Лобай, 1991, с. 9, рис. 3. 1]. По реконструкции, выполненной А.В. Симоненко и Б.И. Лобаем, кинжал был подвешен к портупейному ремню, так что ножны дополнительно фиксировались на бедре двумя парами ремней, оканчивающихся прямоугольными обоймами и наконечниками. Концы ремней, вероятно, завязывались [Симоненко, Лобай, 1991, с. 49, рис. 26; с. 52; Pfrommer, 1992–1993, S. 17, Abb. 9; Simonenko, 2001, S. 230, 231, Abb. 22; Schiltz, 2002, p. 862, 863, fig. 6]. Есть основание полагать, что подобный способ ношения коротких мечей и кинжалов, ножны которых дополнительно фиксировались к правому бедру при помощи двух пар кожаных ремней, был типичен для сарматских всадников, в погребениях которых такие кинжалы с кольцевидными навершиями обычно и находят лежащими у правого бедра [Хазанов, 1971, с. 13; см. также: Усть-Альминский некрополь, катакомба 612: Loboda et al., 2004, S. 308, Abb. 6; Пуздровский, 2007, с. 346, рис. 73; катакомба 620, погребение 2: Loboda et al., 2004, S. 330, Abb. 19; Пуздровский, 2007, с. 347, рис. 74; могила 711: Пуздровский, 2007, с. 352, рис. 78].

Если реконструкция способа фиксации на бедре кинжала из погребения у с. Пороги основана на находках пряжек и наконечников ремней, то в могиле № 700 Усть-Альминского некрополя, датирующейся первой четвертью II в. н.э., был найден меч в деревянных ножнах длиной 50 см [Пуздровский, 2007, с. 350, рис. 77]. Ножны имели боковые лопасти у перекрестия и в нижней части, украшенные бронзовыми бляхами с позолотой (рис. 14. 1) [Пуздровский, 2005, с. 317, 319, рис. 2. 4; Пуздровский, 2007, с. 130, рис. 87. 5]. Очевидно, что отверстия в бляшках служили для продевания ремней, фиксирующих меч на бедре.

Находки подобных кинжалов с сохранившимися деревянными ножнами с боковыми лопастями, украшенными бляшками с отверстиями или заклепками, происходят из некоторых сарматских погребений I–II в. н.э. Подонья. В качестве ближайшей аналогии А.Е. Пуздровским приводится находка в погребении 8 кургана 16 могильника Центральный VI в степном Подонье, где лопасти несохранившихся деревянных ножен были украшены крупными серебряными полусферическими бляшками [Безуглов, 1988, с. 103, рис. 1. 2; 2. 14]. Еще две находки железных кинжалов с прямым перекрестьем и кольцевидными навершиями в сохранившихся деревянных ножнах с боковыми выступами происходят из погребения II в. н.э. № 1 кургана № 25/1987 группы «Валовый-I» в Нижнем Подонье. Кинжалы имеют общую длину около 47 см — на выступах также закреплены серебряные полусферические и конические бляшки с отверстиями (рис. 14. 2) [Cat. Paris, 2001, p. 246, no. 283; Беспалый, Беспалая, Раев, 2007, с. 60, 61, № 13, 21, табл. 73. 4 а, б]. При одном из полуразрушенных мужских скелетов 18–20 лет в погребении № 5 кургана № 70/1982 у х. Новый был найден лежащий вдоль правого бедра железный меч с несохранившейся рукоятью в красных деревянных ножнах с боковыми лопастями. В верхние лопасти были вставлены две круглые массивные заклепки [Ильюков, Власкин, 1992, с. 82, № 79; с. 81, рис. 20. 12, 13; см. реконструкцию: Cat. Daoulas, 1995, p. 88, no. 111]; вероятнее всего, нижние лопасти не сохранились — из описания понять трудно, однако находки всего четырех заклепок [Cat. Frankfurt, 2003, S. 118] подтверждают реконструкцию.

4.1.3. О генезисе коротких мечей и кинжалов в ножнах с боковыми лопастями

Особого внимания заслуживают кинжалы, изображенные на стеле Хрестиона (кат. № 1; рис. 1. 3, 4), а также на рельефах кат. № 15, 16 (рис. 5. 3). Стела Хрестиона дает наиболее четко сохранившееся изображение кинжала в ножнах с боковыми лопастями из всех известных в Северном Причерноморье. Здесь находки подобных кинжалов или коротких парадных мечей длиной 35–40 см (с ножнами) происходят из тайника сарматского погребения конца I в. н.э.; кургана у п. Дачи под Азовом [Cat. Tokyo, 1991, nos. 108, 109; Беспалый, 1992, с. 185–188, № 8, рис. 11, 12; Cat. Zurich, 1993, Nr. 133; Brentjes, 1993, S. 30 f., Abb. 36 a, b; Cat. Daoulas, 1995, nos. 104, 105; Cat. Paris, 2001, no. 238; Schiltz, 2002, p. 853–859, figs. 2, 3; Мордвинцева, 2003, № 76, рис. 31, 32; Кат. Москва, 2005, № 2; Минасян, 2006, с. 213–223; Мордвинцева, Трейстер, 2007, № А67.3, рис. 42, 43, табл. 27; Засецкая, Минасян, 2008, с. 44–52; Кат. Ст.-Петербург, 2008, № 13] и из саркофага II склепа II/1975 в Горгиппии [Кат. Москва, 1987, № 250, рис. 85, табл. 46; Cat. Tokyo, 1991, no. 177; Brentjes, 1993, S. 34; Cat. Paris, 2001, no. 335; Schiltz, 2002, p. 864, 865, fig. 7; Alekseeva, 2002. S. 109, 111, Abb. 22; Treister, 2003, p. 57, 58, fig. 9; Мордвинцева, 2003, № 86, рис. 36; Мордвинцева, Трейстер, 2007, № А52.8, рис. 47, табл. 26], которое датируется серединой — третьей четвертью II в. н.э. Из разрушенного

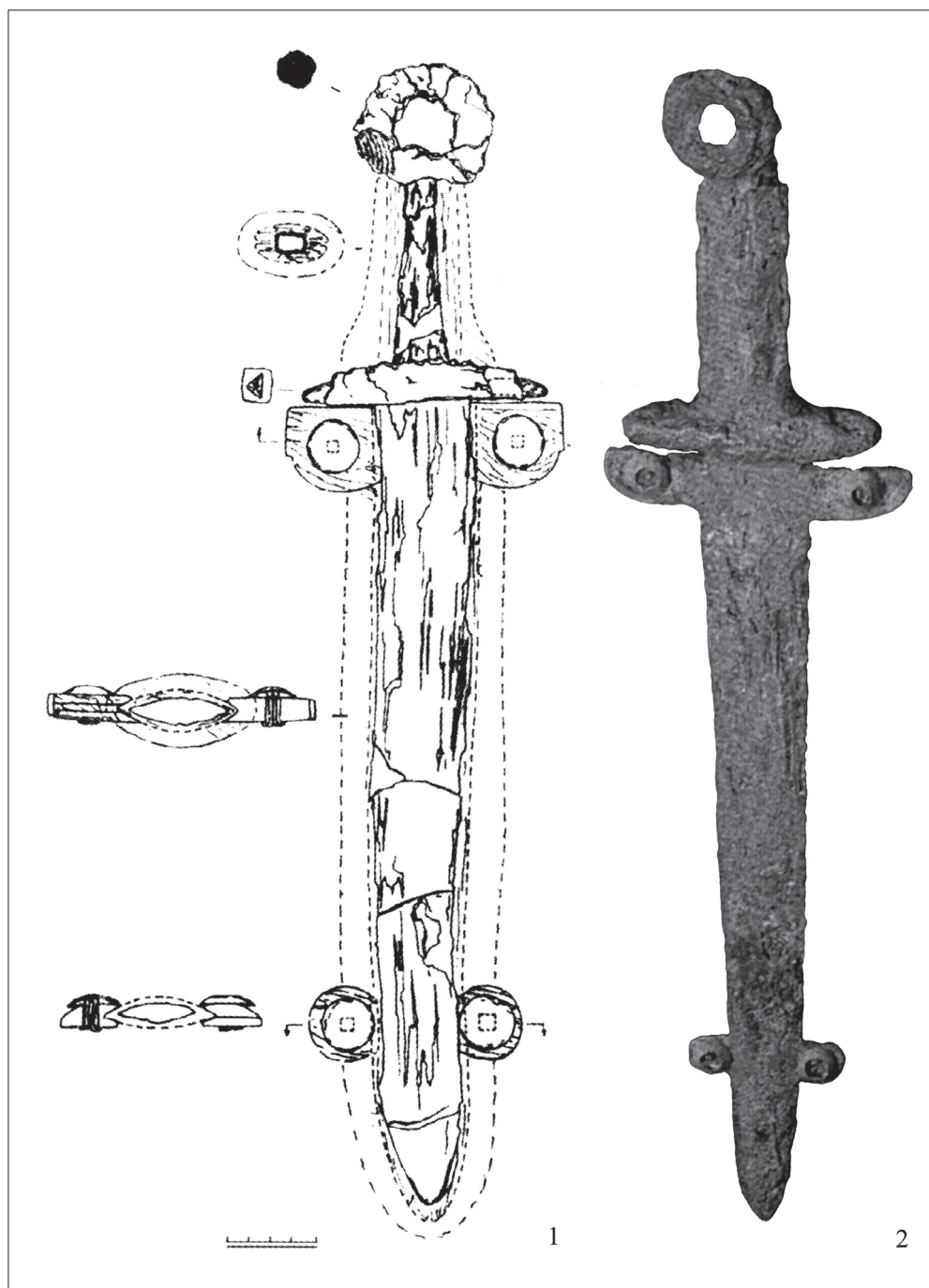

Рис. 14. Железные кинжалы в деревянных ножнах с боковыми лопастями:
 1 – Усть-Альминский могильник, могила № 700. Бахчисарай,
 БИАМ (рисунок по: Пуздровский, 2007); 2 – погребение № 1 кургана № 25/1987
 могильника Валовый-1. Азов, АИАПМЗ, инв. КП-25309/454
 (фото по: Cat. Paris, 2001, no. 283)

погребения сарматского скептуха в Косике на Нижнем Поволжье происходят фрагментированные ножны с боковыми выступами [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 156, 157, рис. 10; Schiltz, 2002, p. 860, 862, fig. 5].

Появление таких кинжалов или коротких мечей в ножнах с боковыми лопастями в Северном Причерноморье⁵ происходит одновременно с распространением их в Центральной и Передней Азии в I в. до н.э. — I в. н.э. Аналогичный меч в парадных ножнах, имеющих боковые лопасти, был найден в некрополе Тилля-тепе [Sarianidi, 1985, S. 247, 248, Nr. IV.8, Taf. 157–161; Сарианиди, 1989, с. 94–98, рис. 33; Brentjes, 1993, S. 32, Abb. 37; Schiltz, 1994, S. 320, 321, 324, Abb. 236; Brentjes, 1996, S. 26; Schiltz, 2002, p. 860, 861, fig. 4; Cat. Paris, 2006, p. 196, 197, 279, nos. 113, 115; реконструкцию костюма с кинжалом, подвешенным на ремешке к поясу и пристегнутым к правому бедру см. Сарианиди, 1989, с. 88, рис. 32; Cat. Paris, 2006, p. 192; ср. Яценко, 2006, с. 172, 173, 176, рис. 119].

Известны подобные кинжалы и по изображениям на рельефах из Передней Азии. Еще В. Гинтерс использовал изображения на стелах из Нимруд Дага в качестве параллелей для реконструкции внешнего вида причерноморских находок [Ginters, 1928, S. 59]. В дальнейшем же это сопоставление становится общим местом в исследованиях [см., например, Mielczarek, 1999, p. 91; Безуглов, 2000, с. 180; Schiltz, 2002, p. 867, 868, fig. 9]. Аналогичный кинжал с боковыми лопастями, украшенными львиными масками [Young, 1963, S. 203–208, Taf. 48; 51A; Tanabe et al., 1998, p. 139, 142–144, pls. 166, 169–171] изображен на стеле, представляющей Митридата I Каллиника (109–70 гг. до н.э.) и Геракла из Арсамеи на Нимфее. Подобные кинжалы, детали которых видны не столь отчетливо, изображены на стелах западной террасы Немруд Дага, на которых представлен царь Коммагены Антиох I (69–34 гг. до н.э.) с Гераклом [Tanabe et al., 1998, p. 87, 90, pls. 115, 118], Зевсом [Tanabe et al., 1998, p. 92, 96, pls. 120, 124] и Аполлоном [Tanabe et al., 1998, p. 102, 105, pls. 130, 133]. Интересно, что кинжалы на рельефах из Коммагены имеют два типа навершия: кольцевидное, наиболее ясно видимое на рельефе из Арсамеи на Нимфее и волотообразное — на рельефах из Немруд Дага [Ginters, 1928, Taf. 26b; Winkelmann, 2003, S. 55, 126, Taf. 13 вверху), что соответствует двум типам наверший на всаднических кинжалах, изображенных на боспорских рельефах и двум типам наверший коротких мечей и кинжалов у сарматов. И украшение боковых выступов бляшками с зооморфными сюжетами также находит параллель в оформлении бляшками в золото-бирюзовом сти-

⁵ Реальные находки кинжалов в деревянных ножнах с боковыми выступами в археологических комплексах первых веков н.э. на территории Боспора неизвестны. Кинжал в деревянных ножнах, украшенных золотой фольгой, с круглыми выступами у перекрестья, украшенными накладными бляшками с филигранным декором в виде четырехлепестковых розетт, случайно найденный в Керчи в 1902 г. [ОАК за 1902 г., с. 135, № 14, рис. 238 а, б; Ростовцев, 1918, с. 53, 54, рис. 32; Šarov, 2003, S. 39, Abb. 3], судя по декоративной пластине со вставками, украшавшей его рукоять, позволяет относить его к IV–V вв. н.э. Образцы кинжалов V в. н.э. в ножнах с боковыми выступами происходят из кургана № 7/1990 у с. Брут в Северной Осетии [Кат. Москва, 2005, с. 41, № 84] и погребений № 39 и 43 могильника I у крепости Цибилеум в Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982, с. 151, рис. 18, 3; 152, 153, рис. 19, 9].

ле примерно одновременного коммагенским рельефам парадного кинжала из погребения знатного воина саргатской культуры в кургане № 3 Исаковского-I могильника в Западной Сибири [Погодин, 1998, с. 36-38, рис. 4; Когякова, 2006, p. 110, fig. 12].

Кинжалы на рельефах из Коммагены изображены подвешенными на пояс с правой стороны, наконечники их ножен находятся существенно выше колена, при этом, несмотря на детальную проработку, никаких свидетельств того, что они дополнительно крепились ремнями к бедру, нет. Учитывая то, что Антиох и Митридат одеты в широкие шаровары со складками, такой способ дополнительной фиксации мечей невозможен. Для кинжалов из Исаковки, Гилля-тепе, как и для находок из Дач и Горгишпии, тоже нет никаких данных о том, что мечи пристегивались к бедру при помощи дополнительных ремней.

Если указанные выше изображения на рельефах из Коммагены и пальмирской скульптуре привлекались исследователями как сравнительный материал для находок ножен мечей с боковыми лопастями, то бронзовая статуя так называемого «парфянского правителя» из Шами в Иране в этом контексте за редкими исключениями [Brentjes, 1993, S. 34, Abb. 39; Winkelmann, 2003, S. 56, Abb. 6 вверху] не рассматривалась. Между тем на каждом бедре правителя изображено по кинжалу, при этом отчетливо видны рукоять и часть ножен кинжала с узкими боковыми лопастями, украшенными маленькими полусферическими бляшками с рельефными вихреобразными розетками⁶. Нижняя часть ножен украшена параллельными поперечными линиями [Mathiesen, 1992, p. 166; Curtis, 1993, p. 65; Vogelsang-Eastwood, 2000, p. 43, 44, fig. 13; Curtis, 2001, p. 315, pl. IIa; Cat. Bochum, 2004, S. 822, Abb. S. 823 справа, 826; Яценко, 2006, с. 114, рис. 68]. Статуя из Шами датируется исследователями по-разному — от конца II в. до н.э. до II в. н.э. [Ghirshman, 1962, S. 89, Abb. 99; Kawami, 1987, pl. 11; Curtis, 1993, p. 64, 65, fig. 1, pl. XIXa; см. литературы: Mathiesen, 1992, p. 166, 167, no. 80; Vogelsang-Eastwood, 2000, p. 31-47; Cat. Bochum, 2004, S. 822-827, Nr. 567], однако с наибольшей вероятностью, как это было показано В. Куртис [Curtis, 1993, p. 65], ее следует относить ко времени между серединой I в. до н.э. и началом I в. н.э.

Наиболее подробный анализ распространения кинжалов в ножнах с боковым выступом в Парфии представлен в недавней работе С. Винкельман [Winkelmann, 2003, S. 54-57]. Она приводит довольно многочисленные изображения кинжалов, аналогичных кинжалу на статуе из Шами, например, с узкими лопастями, в том числе с отверстиями для продевания ремней на фрагменте статуи с акрополя Сузы [Winkelmann, 2003, S. 56, Abb. 6 в центре], на рельефе из Ашшура [Winkelmann, 2003, S. 56, 57, Abb. 14], а также на серии парфянских бронзовых пряжек [Ghirshman, 1979, p. 172, 189, 190, pl. II. 2; Collon, 1995, p. 195, fig. 159; Curtis, 2001, p. 306, 325, pl. XII; Winkelmann, 2003, S. 57, Abb. 7 в центре и внизу; James, 2004, p. 250, fig. 141B] и терракот [Curtis, 2001, p. 300, 317, pl. IVc;

⁶ Ср. декор халцедонового навершия длинного меча из погребения № 8 кургана № 16/1979 могильника Центральный VI на водоразделе р. Дон и Сал [Безуглов, 1988, с. 104, 105, рис. 2. 4].

Winkelmann, 2003, S. 57, Abb. 7 сверху: кинжал на правом бедре; ср. терракоту из Исламского музея в Берлине с изображением кинжала на левом бедре: Cat. Wien, 1996, S. 229, Nr. 74: I–III вв. н.э.] с изображениями всадников с подобными кинжалами как на правом, так и на левом бедре. Интересно, что на некоторых терракотах, как например, на терракоте из Британского музея, всадник изображается с кинжалом и горитом центрально-азиатского типа [Winkelmann, 2003, S. 57, Abb. 7 сверху]. Учитывая форму и конструкцию боковых лопастей с бляшками с отверстиями для продевания ремней, кинжалы, изображенные на статуе правителя из Шами, весьма близки находкам из погребений кочевников I–II вв. н.э. на Нижнем Дону и в Юго-Западном Крыму (рис. 14). Интересно, что в погребении № 1 кургана № 25 могильника Валовый-I было найдено два кинжала в ножнах с боковыми лопастями (ср. два кинжала на статуе из Шами), причем один из них лежал вдоль правой бедренной кости, рукоятью на уровне таза, а второй — параллельно ему у стенки могилы [Беспалый, Беспалая, Раев, 2007, табл. 71].

Близка и форма боковых лопастей ножен кинжала с изображенными на них бляшками с отверстиями, представленного на верхней части одной из стел из Керчи, хранящейся в ГИМ (кат. № 16). Интересно, что боковые лопасти изображены только в верхней части ножен — неясно, каким образом крепились к ремню нижняя часть ножен (рис. 5. 3).

Хорошо известны изображения кинжалов в ножнах с боковыми выступами и в позднепарфянском искусстве II–III вв. н.э. [Winkelmann, 2003, S. 57, 58], а также на многочисленных рельефах и скульптурах из Пальмиры [Tanabe, 1986, p. 244, pl. 211; p. 272, pl. 239; p. 286, pl. 255; p. 416, pl. 385; p. 418–420, pls. 387–389; p. 422, pl. 391; p. 426, pl. 395; p. 441–443, pls. 410–412] и Хатры [Winkelmann, 2003, S. 45–47, 122, Abb. 10; Winkelmann, 2004, Nr. 4, 7, 10, 13, 16, 25, 31–34, 42, 48, 56, 63, 66, 70].

Прототипы кинжалов с ножнами с боковыми лопастями на боспорских стелах происходят из памятников начала I тыс. до н.э. Синьцзян-Уйгурского автономного района и более поздних скифских памятников пазырыкской культуры Горного Алтая V/IV — III/II вв. до н.э. Из погребения в районе Нилка (Синьцзян) происходят украшенные гравированными изображениями костяные ножны длиной 15,2 см [Cat. Mannheim, 2007, S. 295. Nr. 178]. В курганах Уландрыка, Сайлюгема, Юстыда и Барбургазы были найдены такие деревянные модели ножен. На их округлых боковых выступах имеются отверстия, в которые пропускались частично сохранившиеся кожаные ремни, крепившие ножны к ноге. При этом ремешок у эфеса ножен соединялся со специальным портупейным ремнем, который фиксировал ножны с кинжалом на поясе [Кубарев, 1981, с. 39–42, рис. 6–8; с. 44–47; Кубарев, 1987, с. 60–65, рис. 22, табл. IV. 8; XVI. 13; XXVIII. 19; XLVIII. 9; LVIII. 9; LX. 16. 18; LXII. 3; LXIV. 8; LXVI. 6; LXX. 17; LXXV. 36; LXXVIII. 12; LXXXI. 9; LXXXVI. 15; Кубарев, 1991, с. 75–77, рис. 17, табл. V. 8; VII. 9; XIV. 8; XIX. 9; XXVII. 26; XLVII. 28; LII. 34; LVII. 27; Кубарев, 1992, с. 62–64, рис. 20. 1–3, табл. XX. 12; XXV. 8; XXX. 17; Сарияниди, 1989, с. 98; Brentjes, 1993, S. 26–30, Abb. 34; Brentjes, 1996, p. 25; Schiltz, 2002, p. 867–872, fig. 10; Winkelmann, 2003, S. 79–81]. Бронзовый кинжал

длиной 17,5 см в деревянных ножнах, обтянутых кожей с такими выступами, был найден на правой бедренной кости ребенка, похороненного в кургане № 2 могильника Ак-Алаха I на Горном Алтае [Полосьмак, 1994, с. 62, 63, рис. 76; с. 64, 65, рис. 79. 2, 3]. А железный кинжал в подобных деревянных ножнах происходит из погребения воина в кургане Олон-Курин-Гол в Северной Монголии [Molodin et al. 2007, S. 154, Abb. 13]. Этот новый тип ножен кинжалов, рассчитанный, прежде всего, для всадников, могли изобрести только кочевники: кинжал в ножнах, закрепленных таким образом, не болтается и не бьет всадника по ноге. Такой способ носки годится только для кинжалов и коротких мечей, не доходивших до колена [Кубарев, 1981, с. 50–52; Кубарев, 1987, с. 64, 65; ср. Хазанов, 1971, с. 13; Brentjes, 1996, p. 25; Winkelmann, 2003, S. 79, 81].

Предположение о южно-сибирском (северно-китайском) происхождении кинжалов в ножнах с боковыми выступами подтверждается находкой парадного кинжала в ножнах, обтянутых кожей, покрытой лаком красного и черного цветов и с золотыми бляшками с изображением плывущих по кругу уток, украшенных вставками бирюзы, на боковых выступах, в погребении воина № 6 кургана № 3 Исаковского-I могильника саргатской культуры в Приобье, которое датируется в рамках конца III — начала I вв. до н.э. [Погодин, 1998, с. 36, 38, рис. 4; Koryakova, 2006, p. 110, fig. 12]. Это древнейшая известная на сегодняшний день находка парадного кинжала в ножнах с боковыми выступами.

Не позднее II в. до н.э. парадные кинжалы с серповидными навершиями и прямыми перекрестьями, с золотыми обкладками ножен и небольшими, лишь слегка выступающими боковыми выступами в их нижней части получают распространение у сарматов Южного Приуралья⁷ и Заволжья (Верхнее Погромное, курган № 7/1957, погребение № 6: общ. длиной 45,8 см) [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138, 139, № 2, с. 143, рис. 1. 2; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 23, 24, рис. 8; с. 92, № 61]. Подобные же выступы с отверстиями имеются и на обкладке ножен меча из Буеровой Могилы на Таманском полуострове [Ростовцев, 1918, с. 45–49, табл. III. 4]. Судя по всему, кинжалы и мечи с боковыми выступами в нижней части ножен фиксировались на ноге лишь внизу ножен, а верхняя их часть подвешивалась к поясу на ремне (ср. ошибочную реконструкцию с отверстием в верхней части ножен прохоровского кинжала [Зуев, 2000, с. 319, табл. V. 5]). В пользу того, что кинжалы подвешивались к поясу, говорит и положение кинжала в погребении № 6 кургана № 7 у с. Верхнее Погромное с рукоятью на уровне пояса [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 145, рис. 3. 2]). Очевидно, что особенности самих кинжалов — ярко выраженная связь типа навершия (серповидного) с ножнами, имеющими небольшие круглые выступы лишь в нижней

⁷ Прохоровка, курган № 1/1911 [Ростовцев, 1918, с. 6, 14–16, № 5, с. 41, 49–51, табл. III. 1, 2; Rostowzew, 1931, S. 589, 590; Зуев, 2000, с. 317–319, табл. V. — Красногоровский курган под Орском: длина клинка 40 см [ОАК за 1903 г., с. 126, 127, рис. 257; Ростовцев, 1918, с. 25, 26, табл. III. 4; Rostowzew, 1931, S. 594, 595]. См. в целом об этих кинжалах: Мордвинцева, Шинкарь, 1999; Зуев, 2000, с. 317, 318; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 23, 24, рис. 8.

части, не позволяют рассматривать эту группу сарматских парадных кинжалов в качестве прототипов кинжалов, изображенных на боспорских надгробиях. Парадные кинжалы с серповидными навершиями были локальным феноменом, характерным преимущественно для Южного Приуралья, Нижнего Поволжья⁸, и не оказали такого колоссального влияния на оружие Евразии и Переднего Востока, как кинжалы в ножнах с двумя парами боковых выступов.

4.2. Длинные мечи

На боспорских надгробиях представлены два типа длинных мечей: мечи без перекрестья и мечи с перекрестьем, бутеролью трапецевидной формы и вертикальной скобой или квадратной пластиной на ножнах, причем количественно изображения мечей второго типа преобладает. Таким образом, изобразительные памятники подтверждают бытование двух типов длинных мечей, что нам известно по находкам в позднескифских и сарматских погребальных памятниках.

На Боспоре в комплексах конца I в. до н.э. — II в. н.э. находки мечей второго типа не зафиксированы, если не считать единичной находки в Цемдолинском могильнике на юго-восточной периферии Боспорского царства и фрагментированной находки железного меча с перекрестьем в нимфейской катакомбе, которая может относиться к типу таких мечей. Мечи с перекрестьями как будто бы характерны на Боспоре для более позднего времени, III–IV вв. н.э. [Сокольский, 1954, с. 155]. Здесь очевидно, что мы сталкиваемся с несколько различной картиной, которую представляют для Боспора изобразительные материалы и археологические источники.

О том, что, по крайней мере, часть длинных мечей, изображенных на надгробиях, имела ножны с вертикальной скобой, служившей для подвешивания ремня на портупейный ремень, свидетельствуют изображения таких скоб на мечах, представленных на надгробиях кат. № 16 (рис. 5. 2; 9. 4), 51 (рис. 9. 1), 56, 60 (рис. 8. 2), а также на мече, изображенном на надгробии Василида, сына Василида (рис. 11. 3), найденном в Керчи и датирующемся по характеру письма первой половиной II в. н.э. [von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 87, Nr. 494, Taf. XXXV; КБН 662]. И здесь мы опять сталкиваемся с противоречием имеющихся до сих пор археологических источников и исследованных нами изобразительных материалов. Известные находки нефритовых скоб в Керчи [Trousedale, 1975, p. 102–108, 237–243, nos. SR 2, 4, 7; Cat. Daoulas, 1995, p. 112, no. 139; Cat. Mannheim, 2001, S. 23, 100, Nr. 1.6.2.2; Безуглов, 2000, с. 176] происходят из поздних комплексов IV в. н.э., при этом Трусдейл полагает, что они вряд ли попадают на юг России ранее конца II — начала III вв. н.э. [Trousedale 1975, 102]⁹. Изображения

⁸ О парадных кинжалах с серповидными навершиями в деревянных ножнах, обтянутых золотом, из памятников Прикубанья II в. до н.э. см.: Марченко, 1996, с. 52, 53, рис. 63. 14, 15.

⁹ Неизвестно также точное происхождение китайской нефритовой скобы из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда, найденной, по сведениям коллекционера, в 1894 г. в Прикубанье [Хазанов, 1971, с. 25, 149, табл. XV. 7; Trousedale, 1975, p. 25, 102, 103, 237, 238, pl. 19c; Andrási, 2008, p. 120, no. 116 с литературой, pls. 57, 58).

таких скоб на мечах с прямым перекрестьем на стелах, датирующихся I — первой половиной II вв. н.э., служит наглядным подтверждением использования на Боспоре в этот период длинных мечей «ханьского» типа.

На надгробии первого архонта Херсонеса, Газурия, сына Метродора, датирующемся первой четвертью II в. н.э., изображен меч с прямым перекрестьем в ножнах с бутеролью трапециевидной формы. Рукоять меча имеет расширяющееся кверху с плоской верхней частью навершие. К сожалению, большая часть ножен меча, изображенного на надгробии, закрыта щитом, поэтому мы не знаем, имела ли у него скоба или квадратная пластина. Однако форма навершия рукояти, перекрестья и бутероли соответствует изображениям на некоторых боспорских надгробиях (см. выше). Подобной же формы навершие рукояти и перекрестье, а также пластина на ножнах, представлены и на мече, изображенном на центральной пластине золотой диадемы или гривны из Кобяковского кургана № 10 на окраине Ростова-на-Дону, который датируется концом I — началом II вв. н.э.¹⁰ Интересно, что ножны мечей, изображенных на надгробии Газурия и на украшении из Кобяковского кургана, украшены продольными параллельными валиками, подобными изображенным на мече на стелах кат. № 55 (рис. 9. 6), 69 (рис. 9. 5). Подобным же образом украшена золотая обкладка ножен длинного меча с навершием в виде халцедоновой бусины и бронзовой бляшки в виде варваризованной головы Силенна, обтянутой золотым листом и украшенной вставками, который был найден в сарматском могильнике II–III вв. н.э. у д. Лебедевка в Западном Казахстане [Мошкова, 1982, с. 82, 83; Mochkova, 1994, p.86, 87]. Каннелированной золотой пластиной были также украшены деревянные ножны меча, найденного в 1842 г. в одной из могил некрополя Пантикапея Д.В. Карейшей [Карейша, 1844, с. 612; ДБК, 1854, с. LXXII; ср. Ростовцев, 1918, с. 53; Rostowzew, 1931, S. 208].

Учитывая тот факт, что мастера боспорских рельефов очень тщательно передавали детали, очевидно, что не случайно в ряде случаев они изображали на ножнах длинных мечей узкую вертикальную скобу, а в других случаях — квадратную или прямоугольную пластину, практически перекрывавшую по ширине ножны, как это видно на рельефах кат. № 55 (рис. 9. 6), 59 (рис. 9. 3), 69 (рис. 9. 5). Месторасположение пластины с высокой степенью вероятности позволяет

¹⁰ Меч изображен лежащим на коленях у сидящего со скрещенными ногами персонажа азиатского облика и европеоидными чертами лица [Гугуев, 1990; Cat. Tokyo, 1991, no. 130, Прохорова, Гугуев, 1992, с. 143–146, рис. 5, 6; Cat. Zürich, 1993, Nr. 140; Cat. Daoulas, 1995, Nr. 91; Guguev, 1996, p. 53–56, figs. 3–8; Cat. Paris, 2001, no. 240; Cat. Frankfurt, 2003, Nr. 110; Мордвинцева, 2003, № 69, рис. 28; Мордвинцева, Трейстер, 2007, № A109.3, рис. 39, 65 с полной библиографией]. Это изображение помещено на центральной ажурной пластине, которая была приклепана к украшению. Трудно сказать, была ли пластина просто отремонтирована подобным образом или вставка изначально ей не принадлежала. В пользу второго предположения могут свидетельствовать не только европеоидные черты лица персонажа, но и полное отсутствие вставок на изображении центрального персонажа, что бросается в глаза при сравнении с фигурами боковых частей украшения [Трейстер, 2009]. Исследователи сопоставляли меч, изображенный на украшении из Кобяково, с мечами, изображенными на скульптуре Гандхары [Guguev, 1996, p. 58; Winkelmann, 2003, S. 76].

предполагать, что она также имела отношение к подвеске меча к портупейному поясу. Ближайшую параллель таким пластинам мы находим на некоторых из позднепарфянских скульптур из Хатры. С. Винкельман отмечает редкость изображений таких мечей (*Breitschwert mit Ösen-Aufhängung*) — пластины на ножнах имели петли, через которые продевались ремни подвески [Winkelmann, 2003, S. 51, 125, Abb. 12 в нижнем ряду слева и справа; Winkelmann, 2004, Nr. 88, 101, 102; Sommer, 2003, S. 79, Abb. 114].

4.3. Колчаны и гориты

4.3.1. Гориты скифского типа с притороченными мечами

Находки таких горитов с притороченными к ним мечами нам неизвестны. Положение в могиле № 37/1950 некрополя Фанагории, датируемой I в. до н.э., меча рукоятью около левого плеча и клинком к левому бедру погребенного дало основание Н.И. Сокольскому предположить, что, возможно, меч был пристегнут к гориту [Сокольский, 1954, с. 154, 155, табл. V. 1, 2]. В погребении № 38/1988 нижнего некрополя Илурата рядом с длинным мечом, лежавшим слева от погребенного, была зафиксирована полоса древесного тлена длиной 45 см, предположительно от колчана, рядом с которой были найдены железные черешковые наконечники стрел [Горончаровский, 1998, с. 86, 87].

Следует, очевидно, согласиться с Н.И. Сокольским [1954, с. 159] — такой способ ношения меча можно считать походным — действительно, при ношении длинного меча слева на портупейном ремне у всадника, безусловно, возникали бы неудобства. Представленный на рельефах походный способ ношения длинных мечей мог сочетаться только с использованием горита скифского типа, которые носили за левым плечом. С горитами и колчанами центрально-азиатского типа этот способ походного ношения длинных мечей не сочетался.

Был ли представленный на боспорских надгробиях способ походного ношения длинных мечей местной боспорской инновацией, вопрос, на мой взгляд, открытый. С одной стороны, прекрасно известно, что подобным образом, за спиной, носился длинный греческий кавалерийский меч — махайра. С другой стороны — нам известны примеры положения в могилу длинных мечей ханьского типа с нефритовыми скобой и перекрестьем под спину — именно так был положен длинный железный меч в погребении № 1 кургана № 19 у хут. Сладковский в Нижнем Подонье, интересно, что и положение найденного в этом погребении кинжала, заходящего под правую берцовую кость, наглядно демонстрирует, что кинжал был закреплен на внешней стороне бедра [см. план погребения: Максименко, Безуглов, 1987, с. 184, рис. 1; Werner, 1994, S. 274, 276, Abb. 5]. В сарматских погребениях Поволжья и Подонья разного времени известны также случаи положения длинных мечей слева от погребенных в непосредственной близости от луков и колчанов (в погребении

II–I вв. до н.э. № 3а кургана № 4 могильника Майеровский-III в Волгоградской области [Skvorcov, Skripkin, 2006, S. 255, Abb. 8. 6; Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 99, № 4, 10, рис. 6. I; в погребении второй половины II в. н.э. сарматского всадника в кургане № 5/1984 некрополя Кобякова городища на Нижнем Дону [Гугуев, Безуглов, 1990, с. 164–166, рис. 1]).

4.3.2. Колчаны с двумя вертикальными отделениями

На рельефе из кристаллического гипса из Дура-Европос с посвятителной надписью Ашаду и Са'ада, датирующемся второй половиной II – первой половиной III вв. н.э. [Rostovtzeff et al., 1936, pl. XXX. 1; Perkins, 1973, p. 96–98, 122, pl. 39; Downey, 1977, p. 57–60, no. 45, pl. XII; Mathiesen, 1992, 79, 200, no. 181, fig. 59], на неоконченном рельефе на его оборотной стороне [Downey, 1977, p. 60, no. 45, pl. XII], а также на серии пальмирских рельефов II–III вв. н.э. (на рельефе с изображением конного божества из Джуб эль-Джаррах, ок. 100–150 г. н.э.: Colledge, 1976, p. 44, 45, fig. 26], а также на фрагментированном пальмирском рельефе с изображением всадника в Музее Дамаска [Tanabe, 1986, p. 173, no. 140; Herrmann, 1989, p. 767, 799, pl. Xb], на рельефе с изображением конного божества из Хирбет Рамадана в Музее Дамаска [Tanabe, 1986, p. 170, no. 137], на рельефе с изображением бога Абгала и Азизу, найденном в Хирбет Сармине, датированном 199 г. н.э. [Tanabe, 1986, p. 99, no. 58]) представлены гориты с одним трубчатым отделением и примыкающим к нему налучьем, обнаруживающие наиболее близкие параллели гориту на стеле Матиана (кат. № 72).

Колчаны, состоящие из двух трубчатых отделений, представлены на известняковом рельефе Абгала и Ахар, найденном в Хирбет Семрине в Музее Дамаска, датирующемся 154 г. н.э. [Tanabe, 1986, p. 169, no. 136; Cat. Turin, 2002, p. 102, no. 122], а также на одном из граффити из Дура-Европос [James, 2004, p. 194, fig. 117. I].

Тип колчана с двумя вертикальными трубчатыми отделениями, с налучьем, край которого сзади опускается несколько ниже, был широко распространен на Ближнем и Среднем Востоке в первые века н.э. [von Gall, 2002, S. 405–407]. Он представлен, в частности, на скальном рельефе, вероятно, начала III в. н.э.¹¹ в Танг-и Сарваке в Иране [Ghirshman, 1962, Abb. 69; Vanden Berghe, Schippmann 1985, p. 79–81, fig. 12; p. 171, pl. 47; Kawami, 1987, p. 105–110, no. 41; p. 201–204, 255, fig. 19, pl. 49; Herrmann, 1989, p. 757, 797, pl. VIII; von Gall, 1990, S. 13–19, no. 2, Abb. 1; Mathiesen, 1992, p. 131–133, no. 9, fig. 16; Nicolle, 1996, p. 8, fig. 2, A], на терракотовом рельефе из Эламаиды с изображением парфянского всадника в

¹¹ Рассматриваемый третий блок рельефа из Танг-и Сарвака датируется между 75 г. н.э. и началом III в. н.э. [см., например, Vanden Berghe, Schippmann, 1985, p. 84, 86], хотя Э.Де Веле датирует его не ранее 220 г. н.э. [de Waele, 1975, p. 75–78]. Эту точку зрения разделяют также Т. Кавами [Kawami, 1987, p. 109, 110] и Х.Е. Матиесен, которые относят его «к самым последним годам перед завоеванием Эламаиды-Сузианы Сасанидами, однако вряд ли позднее, чем к концу 220-х гг.» [Mathiesen, 1992, p. 62, 133, см. также прим. 14 на с. 146].

Британском музее [Herrmann, 1989, p. 766, 794, pl. Vb; Curtis, 2001, p. 317, pl. IVc; Winkelmann, 2003, S. 119, Abb. 7 вверху].

Особого внимания заслуживают изображения горитов с подобными отдельными трубчатыми отделениями [о конструкции горитов, ср. Pyasov, Rusanov, 1998, p. 121] у всадников в сценах охоты и сражения на костяных пластинах кангуйского пояса из Орлатском могильника (Согд), которые датируются различными исследователями по-разному. Но в последнее время в пределах I–III вв. н.э. [Пугаченкова, 1987, с. 58, 59; Пугаченкова, 1989, с. 149, рис. 71; Pugachenkova, 1995, p. 34, 35, fig. 17; Brentjes, 1989; Brentjes, 1990, p. 177, fig. 4; Brentjes, 1993, S. 39, Abb. 44; Abdullaev, 1995a, p. 159, 160, figs. 9, 10; Brentjes, 1995/96, p. 184; Pyasov, Rusanov, 1998, p. 107–159 (I–II вв. н.э.); pl. IV. 1, 2; Маслов, 1999, с. 219–236 (I–II вв. н.э.); Pyasov, 2003, p. 266–294; ср. Litvinsky, 2001, p. 144–155, fig. 7; Литвинский, 2002, с. 190–201 (III в. н.э.); Яценко, 2006, рис. 151]. Интересно, что у некоторых горитов, изображенных на орлатских пластинах, трубчатые отделения имеют разную длину, что, вероятно, предполагает использование двух отделений для стрел различной длины [Pyasov, Rusanov, 1998, p. 120]. Подобные же гориты изображены и на пластинах слоновой кости со сценами охоты, изначально украшавших шкатулку и найденных при раскопках храма Окса в Тахти-Сангине (Южный Таджикистан), которые вначале датировались рубежом н.э. [Кат. Москва, 1985, с. 94, № 219; с. 98, № 247; Cat. Zürich, 1989, S. 50, Nr. 22; Brentjes, 1995/96, p. 184, pl. 6. 2; Литвинский, 2001, с. 43, 44, табл. 12, 13; Litvinsky, 2001, p. 137–166, figs. 1–3, 6; Литвинский, 2002, с. 181–213, рис. 1–6; Pyasov, 2003, p. 266–294, pl. VI. 1, 2], а впоследствии — I–II вв. н.э. [Pyasov, 2003, p. 294] или первой половиной III в. н.э. [Литвинский, 2001, с. 43, 44; Litvinsky, 2001, p. 155; Литвинский, 2002, с. 201].

Интересно, что на рельефе управляющего царским двором Дафна (кат. № 2; рис. 2. 2; 10. 4) отчетливо видно, что верхние концы отделений колчана имеют крышки или обкладки. На мой взгляд, есть все основания сопоставить их с золотыми пластинчатыми обкладками выс. 5,0 и 5,5 см или с крышкой, найденными в погребении № 4 некрополя Тилля-тепе. Возможно, что изображение обкладок/крышек отделений колчана на рельефе Дафна подчеркивает его парадный характер.

Таким образом, представляется очевидным, что гориты рассматриваемого типа и колчаны с двумя трубчатыми отделениями, изображенные на боспорских надгробных рельефах, имеют центрально-азиатские прототипы [von Gall, 2002, S. 407]. Реальные гориты и колчаны такого рода могли быть заимствованы у сарматов — наблюдение, неоднократно высказанное исследователями [Толстов, 1948, с. 220, 221; ср. Gajdukevič, 1971, S. 418, Anm. 140; Десятчиков, 1972, с. 71, 72]. Справедливым в этой связи можно считать наблюдение В.А. Горончаровского [2001a, с. 218, 219; 2006, с. 45] о появлении луков центрально-азиатского типа на Боспоре уже к рубежу нашей эры и о том, что их носили справа, т.е. таким же образом, как и в Центральной Азии.

5. Кто был изображен на боспорских надгробиях с «всадническими» кинжалами?

При абсолютном преобладании греческих имен, имена на надгробиях с рассматриваемыми кинжалами, мечами, прикрепленными к горитам, и колчанами — однозначно иранские. К ним относятся личные имена Матиан, представленные на рельефе с Таманского полуострова с луком и колчаном центрально-азиатского типа [Яйленко, 1995, с. 221, 222; SEG XLV, 1018; LGPN IV, 217; Иванчик, Тохтасьев, 2009, с. 102–107] (кат. № 72), Омпсалака, сына Сидавха (кат. № 13), Каморсаз [Zgusta, 1955, S. 104, §124; LGPN IV, 185] и его сын Ксайорсаз [Zgusta, 1955, S. 121, 122, § 156; LGPN IV, 259] (кат. № 27). Как отмечал Ю.Г. Виноградов, если этимология имени Омпсалак пока не выяснена, то ареал его очерчивается достаточно точно: оно не находит никаких даже отдаленных параллелей с территории самого Ирана, но фиксируется исключительно на широком пространстве сарматских южнорусских степей от Дона до Буга с начала христианской эры до первой трети III в. [Zgusta, 1955, S. 198, 199, § 315; Виноградов, 1994, с. 155, прим. 36, 37; см. также LGPN IV, 262, 263: Ольвия, Неаполь Скифский, Горгиппия, Пантикапей, Феодосия, Танаис]. В то же время имя Сидавха фиксируется лишь в этой надписи из Пантикапея [Zgusta, 1955, S. 316, § 706; LGPN IV, 399]. Сарматскими также считают имена Матиана и его отца Заидара подробно исследовавшие этимологию этих имен А.И. Иванчик и С.Р. Тохтасьев [Иванчик, Тохтасьев, 2009, с. 102–107].

6. Выводы

Таким образом, анализ изображений на боспорских надгробиях показывает, что в I — первой половине II в. н.э. на Боспоре получают распространение короткие мечи или кинжалы, детали оформления ножен которых и способ ношения характерны для сарматов, при этом такие короткие «всаднические» кинжалы восходят к центрально-азиатским прототипам. Неслучайным представляется в этой связи и сочетание на многих рассматриваемых надгробиях изображений всаднических кинжалов с колчанами с луками так называемого «гуннского» или центрально-азиатского типа или подобных же двухкамерных цилиндрических колчанов без лука. В семи из одиннадцати известных нам случаев их изображения на боспорских рельефах сочетаются с изображениями «всаднических» кинжалов. Во многих случаях кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием изображаются в качестве дополнительного оружия. Основное клинковое оружие — длинный меч представлен на этих рельефах притороченным к горитам скифского типа и на рельефах с изображением всадников, движущихся вправо, видна лишь рукоять такого меча с навершием, выступающая за левым плечом всадника. Особенности изображения некоторых длинных мечей (форма перекрестья, бутероли и наличие скобы для подвешивания на ножнах)

также свидетельствуют в пользу их наиболее вероятно восточного происхождения или восточных прототипов.

О том, что изображенный на рельефах «всаднический» кинжал мог подчеркивать высокий социальный статус изображенных, на мой взгляд, свидетельствуют следующие наблюдения, на которые не обратил внимание П.-А. Кройц. Среди изображенных всадников — управляющий царским двором Дафн, сын Психариона (кат. № 2; рис. 2; 10. 4), члены синода: Атг, сын Трифона (кат. № 3; рис. 10. 1), Ахемен, сын Агафокла (кат. № 33) и член синода, имя которого нам неизвестно (кат. № 23), Артемидор, сын Диоги; заведующий пинакидой (кат. № 8; рис. 4) и писатель Стратоник, сын Зенона (кат. № 4; рис. 10. 1).

Тот факт, что рассматриваемые кинжалы были изображены на надгробиях высокопоставленных боспорян, среди них управляющего царским двором и членов синода [Смирнова, 2002, с. 62–67; Завойкина (Смирнова), 2003, с. 122–135], свидетельствует об использовании оружия сарматского типа с характерным для кочевников способом фиксации ножен на бедре среди элиты боспорского общества. То, что обладатели кинжалов занимают высокое положение, подчеркивается изображением практически на всех рельефах с такими кинжалами дополнительных фигур конных и пеших воинов. Не случайным в этой связи представляется и изображение пристегнутого к правому бедру кинжала на мраморной статуе из Горгишии, представляющей, безусловно, портретное изображение знатного боспорянина [Сокольский, 1954, с. 151, рис. 6. 1]. В то же время в некоторых случаях такие кинжалы изображены на стеле вольноотпущенника (кат. № 22) и бывшего раба, воспитанного в доме своего господина (кат. № 19).

Очень слабо опубликованные археологические материалы — комплексы погребений с оружием из боспорских некрополей первых веков н.э. — не дают достаточных материалов для сопоставления археологических и изобразительных источников. Вместе с тем находка меча с кольцевидным навершием в погребении с кремацией некрополя Нимфея (рис. 12) позволяет утверждать, что меч рассматриваемого типа был найден в могиле представителя зажиточной части населения города и что погребение было совершено по греческому обряду. Учитывая, что погребение принадлежало юноше 12–13 лет можно предполагать, что меч, помещенный в его могилу, можно рассматривать как «статусную» вещь, подчеркивающую принадлежность погребенного к определенному социальному слою. И в погребении 227/1996 некрополя Китя кинжал с кольцевидным навершием и длинный меч были найдены в могиле с погребальными пряжками и наконечниками поясов из золотой фольги, на которых отгиснута тамга, которую, как правило, отождествляют со знаком боспорского царя Евпатора [Хршановский, 2007, с. 183, 184, 186, 189, 190, рис. 2] и которые были, вероятно, также «статусным» символом (рис. 13).

Археологической иллюстрацией того, что представители боспорской элиты носили длинный меч и кинжал являются их находки в мужском погребении, случайно обнаруженном в каменном склепе в саду мещанина Абдул-Керима на последнем склоне г. Митридат в 1894 г. и исследованном К.Е. Думбергом в 1894 г.

[ОАК за 1894 г., с. 44, 45; Мацулевич, 1941, с. 75]. Судя по надписи на золотой пластине в форме *tabula ansata*, принадлежавшей венку из этого погребения, — умершего звали Юлием Каллисфеном и он был парафилагатом, членом фиаса¹². Покойный был погребен в кожаном панцире с двумя железными позолоченными бляхами-фаларами, со щитом, от которого сохранился железный умбон с рельефной бронзовой обкладкой [инв. П.1894.17: Сокольский, 1955, с. 20, рис. 4. 1; Горончаровский, 2003b, с. 97; 99, рис. 35. 1], и с золотым перстнем с геммой на аметисте, изображающей портрет Клавдия, резчика Скилакса [инв. П.1894.12, см. Neverov, 1976, Nr. 131; Неверов, 1979, с. 105; 110, № 13, табл. I; Кат. Ленинград, 1980, № 219; Горончаровский, 2003b, с. 174, рис. 48]. Высказывались и предположения об участии Юлия Каллисфена в походе 49 г. н.э. [Горончаровский, 2003a, с. 168; Горончаровский, 2003b, с. 174].

Не меньшего внимания заслуживает и находка парадного кинжала в ножнах с боковыми выступами [Кат. Москва, 1987, № 250, рис. 85, табл. 46; Cat. Mannheim, 1989, Nr. 250, Taf. 46; Cat. Tokyo, 1991, no. 177; Brentjes, 1993, S. 34; Cat. Paris, 2001, p. 278, no. 335; Alekseeva, 2002, S. 109, 111, Abb. 22; Treister, 2003, 57, 58, fig. 9; Мордвинцева, 2003, № 86, рис. 36; Treister, 2005, p. 73; 76, pl. 34; Мордвинцева, Трейстер, 2007, №А52.8, табл. 26; рис. 47] в горгипшийском склепе II 1975 г., возможно, принадлежавшем наместнику Горгипсии Неоклу или его отцу [Treister, 2005, p. 76, 77]. В отличие от находок из Тилля Тепе и Дач, боковые лопасти анапского кинжала имеют другую конфигурацию, на них отсутствуют накладные золотые умбонovidные элементы с зооморфными композициями, украшенными вставками. Сцены терзания орлом зайца стилистически выполнены в другой манере, напоминающей изображение птиц с переплетенными шеями на ажурных бляшках из того же склепа [Кат. Москва, 1987, № 251, рис. 90; Cat. Mannheim, 1989, Nr. 251, Abb. 84; Cat. Paris, 2001, no. 336; Treister, 2005, S. 73, Taf. 32. 8]. В целом есть все основания предполагать, что горгипшийский кинжал был изготовлен в боспорской мастерской [Мордвинцева, 2003, с. 80; Treister, 2003, p. 57–59; Treister, 2005, p. 73; Мордвинцева, 2007, с. 245, прим. 132; Трейстер, 2007, с. 183]. Характерно, что восточные и боспорские элементы в costume и оружии погребенного в горгипшийском склепе сочетались с импортами из Италии и западных провинций Римской империи (стекло, металлическая утварь, украшения). Некоторые из этих импортов можно предположительно рассматривать в качестве дипломатических подарков Рима [Treister, 2003, p. 73, 74; Treister, 2005, p. 75, 76].

Статусный характер парадных кинжалов в украшенных золотыми обкладками ножнах с боковыми выступами подтверждает и находка такого железного кинжала с прямым перекрестьем с костяной рукоятью с утраченным навершием (длина клинка 23 см) [Апакидзе и др., 1958, с. 33, № 3а, табл. XL. 2] в деревянных ножнах, выложенных изнутри тонкой тканью с золотой обкладкой длиной

¹² О надписи на золотой пластинке инв. П.1894.11 и ее датировке, см.: Мацулевич, 1941; Цветаева, 1979, 104, 105; Завойкина, 2003, с. 121, 122; 131.

23,1 см со вставками красного и зеленого стекла, наконечник которой украшен вставкой в технике клуазоне [Апакидзе и др., 1958, с. 32, 33, № 3; табл. I bis; XXXVII. 12; Dshawachischwili, Abramischwili, 1986, Taf. 49; Lordkipanidze, 1991, Taf. 56. 2; Brentjes, 1993, S. 31; Schiltz, 2002, p. 864, 866, fig. 8; Treister, 2004, p. 201, fig. 6. 2, 3; p. 206] в гробнице № 1 некрополя Армазисхеви в Грузии. Оно, наиболее вероятно, датируется не позднее середины II в. н.э., судя по находке монет, наиболее поздние из которых — четыре ауреуса Адриана [Апакидзе и др., 1958, с. 45, 46]. Гробница служила усыпальницей эристава-питиахша, которого, судя по надписи на портретной гемме, звали Аспаругом [Апакидзе и др., 1958, с. 26, 27, № 1; с. 29, рис. 4; табл. I. 1; XXVII. 1; XXXVIII. 2; Лордкипанидзе, 1989, табл. XXVIII; Lordkipanidze, 1991, Taf. 56. 4]. Он был представителем высшей служивой знати Иберии [Лордкипанидзе, 1989, с. 351; Lordkipanidze, 1991, S. 173; Braund, 1994, p. 206, 215].

Вероятнее всего, как и на Востоке, кинжалы в ножнах с боковыми лопастями существовали в виде реального боевого оружия, известного нам в редчайших случаях по находкам с сохранившимися ножнами в позднескифских и сарматских могильниках I в. н.э. в Крыму и Нижнем Подонье, и в парадном варианте с золотыми накладками на ножны, представленным горгипшийской находкой.

Датировки боспорских надгробных рельефов и реальная находка меча с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием в некрополе Нимфея дают основание полагать, что восприятие новой для Боспора формы короткого меча или кинжала и превращение его в «статусную вещь» происходят в рамках второй половины I в. до н.э. — середины I в. н.э. Это был сравнительно кратковременный феномен, учитывая тот факт, что наиболее поздние надгробия с изображением таких кинжалов датируются первой половиной II в. н.э., а находка кинжала с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием в некрополе Китея (рис. 13. 2) происходит из погребения II в. н.э., возможно, времени правления Евпатора (154–170 гг. н.э.).

Вероятно, заимствование на Боспоре короткого меча и кинжала, а также длинного меча, в том числе оснащенного вертикальной скобой для подвешивания к портупейному ремню, и горитов с колчанами центрально-азиатского типа происходит в ходе использования воинами сарматского и меотского происхождения. Из них формировались отряды боспорской конницы и поселенцы-катоики на царских землях, так называемые «аспургиане», употреблявшие такое оружие для охраны рубежей Азиатского Боспора [Сапрыкин, 2002, с. 177–203; Горончаровский, 2006, с. 45]. Скорее всего, это происходит в период правления на Боспоре Асандра. Еще в середине I в. до н.э. в походе Фарнака в Малую Азию принимали участие сиракские воины, выставленные их царем Абеаком, аорсы, выставленные их царем Спадиным. Но большее количество войск было выставлено верхними аорсами [Треистер, 2005]. Еще до того, как Асандр, возможно, полугрек-полуварвар по происхождению, был оставлен Фарнаком наместником на Боспоре в период малоазийского похода Фарнака (Dio Cass. XLII. 46.5), он был этнархом (Ps.-Luc. Macr. 17) и, вероятно, имел особые контакты

с варварскими племенами азиатской части Боспора [Сапрыкин, 2002, с. 56, 57, 138]. При Асандре на Таманском полуострове окончательно оформляется оборонительная система из крепостей [Сокольский, 1975, с. 107; Сапрыкин, 1985, с. 70–73; Saprykin, Maslennikov, 1995, p. 279; Сапрыкин, 2002, с. 37, 87, 88]. В одной из которых, как мы знаем из надписи, находилась резиденция Хрисалиска, при этом особенности надписи [Сокольский, 1975, с. 40, 41, рис. 30; Сапрыкин, 1985, с. 66, 67; Сапрыкин, 2002, с. 87, рис. 2; с. 132, 133], варваризованное изображение на другой плите богини Тюхе [Сокольский, 1975, с. 40, 42, рис. 31] и другие находки из крепости позволяют предполагать, что в составе ее гарнизона были выходцы из сарматской среды [Сокольский, 1975, с. 106–108]. Судя по поставленному царицей Динамией надгробию Матиана, сына Заидара, на котором изображен всадник с луком и колчаном центрально-азиатского типа (кат. № 72), эта система отношений царской власти к аспургинам продолжала функционировать и в ее правление [Сапрыкин, 2002, с. 109, 110]. Отметим сравнительно высокий процент погребений с оружием (21%) в Цемдолинском могильнике и значительную по количеству коллекцию клинкового оружия, происходящую оттуда, превышающую сравнительные статистические данные по могильникам Центрального Предкавказья и Прикубанья первых веков н.э. (12–17%) [Абрамова, 1993, с. 146; Кожухов, 1994, с. 17, 18; Малышев, 2008, с. 155]. Предположительно, погребенные в некрополях у укрепленных усадеб под Новороссийском¹³ могли привлекаться на службу боспорскими правителями [Сапрыкин, 2002, с. 214, 254], о чем, в частности, свидетельствует богатый инвентарь цемдолинского погребения № 9, включавший набор италийской бронзовой посуды августовского времени и вторично использованные в качестве фаларов латунные медальоны тазов [Малышев, Трейстер, 1994, с. 61–64, № 1–4, табл. 3. 2; 4; 5; 6. 1; 7. 1; Malyshev, Treister, 1994, p. 44–53, nos. 1–4, figs. 3–8, pls. 1–3; Malyshev, Treister, 1994, p. 31–35, figs. 3; 6–8; Трейстер, 2008, с. 181–187, рис. 14–17].

Нелишне здесь отметить и варварские, сарматские корни сына Асандра, Аспурга, имя которого восходит к иранскому *aspa* (конь), *aspabara* (всадник) [Сапрыкин, 1985, с. 67; Сапрыкин, 2002, с. 137, 138]. Судя по датировке надгробного рельефа Дафна, сына Психариона (кат. № 2; рис. 2; 10. 4), на котором умерший изображен с пристегнутым к бедру кинжалом с волutoобразным навершием и парадным колчаном для стрел центрально-азиатского типа, украшенным металлическими (золотыми?) крышками, он, с большой степенью вероятности, мог быть управляющим двором Аспурга. По характеру письма надпись на рельефе датируется едва ли позднее середины I в. н.э. [КБН 78]. Что именно обозначали на боспорских рельефах «всаднические» кинжалы, были ли они знаком принадлежности к царской гвардии или свидетельствовали о принадлежности к аспургианам и их потомкам — с уверенностью однозначно сказать трудно.

¹³ См. об этих усадьбах: Saprykin, Maslennikov, 1995, p. 274–276, fig. 6; Масленников, 1998, с. 103, 104; Malyshev, 2007, p. 936, 937, 947, fig. 9.

Интересна одна деталь, на которую обратил внимание П.-А. Кройц: всадники, изображенные с кинжалами, ни на одном из известных рельефов не представлены в шлемах или панцырях, т.е. у них полностью отсутствует доспех [Kreuz, 2003, S. 207]. Это в принципе характерно для изображения фигур основных всадников на боспорских рельефах, и, возможно, здесь отразилось стремление к идеализации персонажей, следующей тенденции греческой надгробной скульптуры [von Gall, 2002, S. 401–403]. Таким образом, представляется оправданным вывод П.-А. Кройца о том, что создатели рельефов с кинжалами ставили задачу не передать наиболее полно возможный комплект вооружения, а, изображая кинжал, выделить его значение в качестве центрального элемента, подчеркнув тем самым значимость изображенного на рельефе человека [Kreuz, 2003, S. 207]. Обращает на себя внимание, однако, и то, что, судя по характерному для Боспора изображению длинного меча, пристегнутого к горниту, на многих из рассматриваемых надгробий были представлены всадники в походе, который мог быть метафорой перехода в другой мир.

П.-А. Кройц справедливо связывает появление кинжалов рассматриваемого типа на боспорских надгробных рельефах с серьезными изменениями в самосознании боспорян. По его мнению, если, судя по иконографии боспорских рельефов позднеэллинистического времени, ценностные представления и ведущие образы имели корни в греческой традиции, то новые элементы имеют корни в негреческом, культурном контексте, с очевидно статусной системой ценностей кочевнической аристократии [Kreuz, 2003, S. 211]. Однако, на мой взгляд, не менее, если не более, важной причиной появления нового элемента на боспорских надгробиях конца I в. до н.э. — первой половины II в. н.э., мог быть тот факт, что уже в I в. до н.э. тип парадного кинжала с боковыми лопастями становится «статусным» оружием на эллинистическом Востоке и именно в таком качестве представлен на всех известных нам рельефах царей Коммагены, где они изображены с различными божевами.

Таким образом, рассматриваемое явление, на мой взгляд, имеет две составляющие: одну — демонстрирующую несомненные связи с сарматским миром, вторую — подчеркивающую связь с позднеэллинистическими монархиями Востока (Коммагена), которые в свою очередь заимствовали новые образцы оружия у кочевников Евразии [Winkelmann, 2003, S. 93–96]. Эта специфика в целом отражает культуру Боспора на рубеже эр и в первые века нашей эры. Очевидно, таким образом, что, если представленные материалы дают основание говорить о сарматском влиянии на оружие боспорян и способ его ношения, то процесс его заимствования на Боспоре и превращение в статусный элемент не являются просто проявлением процесса «сарматизации Боспора»¹⁴, а имеют более широкие корни и могут рассматриваться в контексте идеологических представлений, аналогичных распространенным в Передней Азии на закате эллинистической эпохи.

¹⁴ Еще М.И. Ростовцев, вкратце останавливаясь на анализе оружия боспорского войска, связывал его особенности с «постепенным резким сарматизированием всего уклада жизни в Боспорском царстве» [Ростовцев, 1914, с. 339, прим. 2]. См. о «сарматизации» Боспора, в частности о том, что этот процесс вряд ли можно относить ко времени ранее середины III в. н.э.: Масленников, 1990, с. 217–219; Сапрыкин, 2006, с. 236, 237, 242.

КАТАЛОГ¹⁵I. Каталог надгробий с изображением «всаднических» книжалов

1. У стоящего воина на стеле Хрестиона из рода Стратоника.
Куплена в Керчи в 1894 г. для музея Мелек-Чесменского кургана Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-170.
Дата: начало I в. до н. э. [von Kieseritzky, Watzinger], по характеру письма — I в. н. э., вероятно, вторая половина [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909. S. 40, Nr. 226, Taf. XV; Иванова, 1961, с. 128, рис. 62; КБН 551 (с библиографией); Матковская, 1992, с. 391 (относит к мастерской «аттической традиции»); 2001, с. 113, рис. 4 (изображение перевернуто слева направо); Kreuz, 2003, S. 208, 209, Abb. 2; КБН-Альбом 551; в Kreuz, печати, Nr. 386, Abb. 32.
Рис. 1.

2. У всадника, изображенного на стеле Дафна, сына Психариона, управляющего царским двором.
Место находки неизвестно, найдена до 1848 г.
Ст.-Петербург, ГЭ, инв. ПАН. 151.
Дата: конец I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — I в. н. э., едва ли позднее середины (КБН); вторая половина I в. н. э. [Cat. Los Angeles, 2007].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 111, Nr. 627. Taf. XLII; Мацулевич, 1941, с. 76, 77; КБН 78 (с библиографией); Кат. Ленинград, 1990, с. 58, № 48; Mielszarek, 1999, pl. XVII; Диатроптов, 2001, с. 61, рис. 14б; Смирнова, 2002, с. 62, 63, 66, прим. 3; von Gall, 2002, S. 404, Abb. 7; Завойкина (Смирнова), 2003, с. 122, 130-132; 131, прим. 3; Степанова, 2004, с. 241, 242, рис. 1. 17 (прорисовка седла); КБН-Альбом 78; Cat. Los Angeles, 2007, p. 181, 182, no. 83; Kreuz, в печати, Nr. 995, Abb. 121.
Рис. 2; 10. 4.

3. У всадника, изображенного на стеле Атга, сына Трифона, члена синода.
Найдена в 1929 г. в Керчи при рытье канавы на Феодосийском шоссе.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-375.
Дата: по характеру письма — первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: Мацулевич, 1941, с. 77; Иванова, 1962, с. 179; КБН 83 (с библиографией); Матковская, 1992, с. 405; 2005, с. 382; Смирнова, 2002, с. 62, 64;

¹⁵ Статья была закончена до публикации каталога «Боспорские надгробия II в. до н.э. — III в. н.э.» Керченского историко-культурного заповедника (Киев, 2009), поэтому у меня не было возможности сослаться на эту важную публикацию в представленном здесь кратком каталоге памятников.

Завойкина (Смирнова), 2003, с. 122–124, 130–132; 131 прим. 3; Kreuz, в печати, Nr. 1018, Abb. 125.

Рис. 10. 1.

4. У всадника, изображенного в нижнем регистре надгробной стелы. Стела с посвящением Стратонику, сыну Зенона, поставленная его вольноотпущенником, Сосием.

Найдена в Керчи, на Строгановской улице в 1913 г.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-141.

Дата: по характеру письма — конец I — первая половина II вв. н. э. [КБН].

Литература: Мацулевич, 1941, с. 77; Максимова, Наливкина, 1955, с. 312, рис. 23; Иванова, 1961, с. 138, табл. 82; 1962, с. 173, рис. 5; КБН 145 (с библиографией); Gajdukevič, 1971, S. 419, 420, Abb. 115; Савостина, 1992, с. 381, № 28; Матковская, 1983, с. 129, табл. V. 5; 1992, с. 403, 405; 2001, с. 136, рис. 29; 2005, с. 378; Горончаровский, 2001б, с. 79; Завойкина (Смирнова), 2003, с. 132, прим. 4 с библиографией; с. 133; КБН-Альбом 145; Heinen, 2006, S. 71, 72, Abb. 22; Kreuz, в печати, Nr. 760, Abb. 74–76.

Рис. 10. 2.

5. У всадника, изображенного на стеле Клеона, сына Клеона.

Найдена в 1829 г. «на склоне возвышенности, по дороге к древнему пантикапейскому акрополю».

Ст.-Петербург, ГЭ, инв. П.1829.8.

Дата: I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — первая половина I в. н. э. [КБН]; по характеру декора — первая половина I в. н. э. [Кат. Ленинград, 1990]; первая половина I в. н. э. [Горончаровский].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 104, 105, Nr. 599. Taf. XLI; Ginters, 1928, Taf. 30b; Блаватский, 1954, с. 142, рис. 65; КБН 278 (с библиографией); Gajdukevič, 1971, S. 417, 418, Abb. 114; Кат. Ленинград, 1990, с. 56, 57, № 46; Матковская, 1992, с. 392, табл. II. 3; Mielszarek, 1999, p. 91, pl. XIV; von Gall, 2002, S. 399, Abb. 2; Горончаровский, 2003б, с. 63, рис. 18; Kreuz, 2003, S. 199, 200, Abb. 1; в печати, Nr. 930, Abb. 108; КБН-Альбом 278.

Рис. 3; 6. 1, 2.

6. У всадника, изображенного на стеле Хариксена, сына Апфуса.

Куплена в Керчи в 1892 г. и найдена, по словам продавца, в районе татарского кладбища.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-338.

Дата: по характеру письма — I в. н. э. [КБН].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 103, Nr. 591, Taf. XL; КБН 537 (с библиографией); Гладкова, 1978, с. 98, 99, рис. 6; КБН-Альбом 537; Kreuz, в печати, Nr. 922.

7. У всадника, изображенного на стеле Харитона, сына Мокка.
Место и время находки неизвестно.
Ст.-Петербург, ГЭ, инв. ПАН.140.
Дата: I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger); по характеру письма — вторая половина I в. н. э. [КБН]; по оформлению стелы и детальной проработке элементов — вторая половина I в. н. э. [Кат. Ленинград, 1990].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 105, Nr. 600, Taf. XLI; КБН 539 (с библиографией); Соколов, 1973, № 134; Кат. Ленинград, 1990, с. 57, 58, № 47; Матковская, 1992, с. 393, табл. II. 4; Mielszarek, 1999, pl. XVI; Диатроптов, 2001, с. 61, рис. 14а; Степанова, 2004, с. 241, 242, рис. 1. 21 (прорисовка седла); Kreuz, в печати, Nr. 933, Abb. 109.
8. У всадника, изображенного на стеле Артемидора, сына Диоги, заведующего пинакидой.
Найдена в районе Керчи в 1850 г.
Лондон, Британский музей, инв. GR.1856.7-10.23.
Дата: по характеру письма — вторая половина I — первая половина II вв. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 106, Nr. 606, Taf. 40; КБН 584 (с библиографией); Савостина, 1992, с. 380, № 25; КБН-Альбом 584; Kreuz, в печати, Nr. 909, Abb. 105.
Рис. 4.
9. У пешего воина, изображенного с овальным щитом на стеле Филота, сына Гедилиска.
Найдена в Керчи на Глинище и куплена в Керчи в 1910 г.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-311.
Дата: по характеру письма — первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: КБН 712 (с библиографией); Матковская, 2001, с. 106, 111, рис. 2; 2005, с. 377, 388, рис. 9; КБН-Альбом 712; Kreuz, в печати, Nr. 838, Abb. 94.
10. У всадника на стеле с утраченной надписью из Керчи (?).
В 1852 г. находилась в Колоннаде Керченского музея.
Лондон, Британский Музей, инв. 661.
Дата: по стилю — I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 109, Nr. 619, Taf. XLIII (с библиографией); Ginters, 1928, Taf. 30a; Kreuz, в печати, Nr. 1001.
11. У левого всадника на стеле с утраченной надписью, найденной в 1956 г. на ул. Степной около консервного завода в Керчи.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-353.
Дата: по стилю — конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. [Чуистова]; ср. I-II вв. н. э. [Савостина].

Литература: Чуистова, 1960, с. 85–87, рис. 3; Матковская, 1983, с. 128, 129, табл. VI. 3; 1992, с. 393, табл. II. 5; 2005, с. 377, 378, 380, 391, рис. 16; Савостина, 1992, с. 378, № 18; Kreuz, в печати, Nr. 1035.

12. У всадника на нижнем регистре стелы Афения, сына Мены, найденной в 1892 г. на северном склоне г. Митридат, недалеко от татарского кладбища, во вторичном использовании.

Место хранения неизвестно, ранее хранилась в Царском кургане.

Дата: по стилю: конец I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; ср. первая половина I в. н. э. [Десятчиков]; по характеру письма: I в. н. э. [КБН].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 116, Nr. 650, Taf. XLVI; Иванова, 1962, с. 171, рис. 1; КБН 332 (с библиографией); Десятчиков, 1972, с. 68, 77, рис. 1–3; Савостина, 1992, с. 359, рис. 1; 377, 378, № 16; Brentjes, 1995/96, S. 184, 193, Abb. 18; Пыасов, Rusanov, 1997/98, p. 120, 153, pl. XII. 3; Negin, 1998, p. 65, 66, fig. 2; Mielczarek, 1999, p. 87, pl. XIII; Горончаровский, 2001б, с. 79; von Gall, 2002, S. 403, Abb. 6; Пыасов, 2003, p. 268, pl. V. 7; КБН-Альбом 332; Kreuz, в печати, Nr. 1081, Abb. 141.

Рис. 10. 3.

13. У всадника на стеле Омпсалака, сына Сидавха, найденной в Керчи.

Москва, ГИМ, инв. 17452/8.

Дата: по характеру письма: I в. н. э. [КБН]; около середины I в. н. э. [Виноградов].

Литература: Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 119, Nr. 664, Taf. XLVI; Иванова, 1951, с. 30, прим. 10, 32; КБН 478 (с библиографией); Виноградов, 1994, с. 155, прим. 37; КБН-Альбом 478; Kreuz, в печати, Nr. 1021, Abb. 126.

14. У левого всадника на стеле Макария, сына Мостия и Дионисидора, сына Макария, найденной в 1876 г. на Темир-Горе.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-189.

Дата: по характеру письма — II в. н. э. [КБН], по стилю — I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 123, Nr. 684; КБН 963 (с библиографией); КБН-Альбом 963; Kreuz, в печати, Nr. 1041, Abb. 131.

15. У всадника на верхнем фризе стелы с утраченной надписью.

Происхождение неизвестно.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-187.

Дата: по стилю — I в. н. э. [Kreuz]; I–II вв. н. э. [Савостина].

Литература: Матковская, 1983, с. 128, 129, табл. VI. 2; Савостина, 1992, с. 377, № 17; Kreuz, 2003, S. 200, 201; Kreuz, в печати, Nr. 999.

16. У всадника на верхнем фризе стелы с утраченной надписью.

Найдена в Керчи.

Москва, ГИМ, инв. 5694/8.

Дата: по стилю — I в. н. э. [Kreuz]; II в. н.э. [Савостина].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 120, Nr. 670, Taf. XLVII; Савостина, 1992, с. 385, № 39; Кат. Москва, 2002, с. 90, 91, № 376; Kreuz, 2003, S. 200, 201; в печати, Nr. 1026, Abb. 128.

Рис. 5; 9. 4.

17. У всадника, стоящего перед женщиной на стеле Аполлония, сына Даласия. Найдена в окрестностях Керчи в 1869 г. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-366.
Дата: по характеру письма — скорее всего, I в. н. э, не позднее начала II в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 117, Nr. 657, Taf. XLVI; Иванова, 1951, с. 30, прим. 10; с. 32; КБН 578; Матковская, 1983, с. 130, 131, табл. VII. 2; КБН-Альбом 578; Kreuz, в печати, Nr. 949.
18. У всадника на рельефе с утраченной надписью. Найден в 1957 г. на территории гаража Керченского порта. Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-370.
Дата: конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. [Чуистова].
Литература: Чуистова, 1960, с. 84–86, рис. 2; Матковская, 2005, с. 377, 389, рис. 11; Kreuz, в печати, Nr. 928.
19. У всадника на рельефе Диомеда, вскормленника Пофуна. Найден предположительно в Керчи или окрестностях. Херсон, ХОКМ, инв. А-5813.
Дата: по характеру письма — I — начало II вв. н. э. [КБН].
Литература: КБН 598; КБН-Альбом 598; Kreuz, в печати, Nr. 891.
20. У всадника на стеле Даса, сына Эврепия. Найдена в ст. Тамань. Феодосия, Краеведческий музей, инв. КП-314; А-1174.
Дата: по характеру письма — I в. н. э., скорее, его вторая половина [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 106, Nr. 609, Taf. XLII; КБН 1077; Савостина, 1992, с. 373, 374, № 5; КБН-Альбом 1077; Kreuz, в печати, Nr. 408.
21. У воина на стеле с утраченной надписью. Найдена в Керчи у Братской церкви и приобретена в 1892–1893 гг. из частного собрания. Керчь, КИКЗ (?).
Дата: по стилю — середина I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 46, Nr. 267, Taf. XVIII; Kreuz, в печати, Nr. 424.

22. У стоящей мужской фигуры на стеле Аристоника, отпущенника Дама.
Место и время находки неизвестны.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-272.
Дата: по стилю — конец I в. до н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — первая половина I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 86, Nr. 486, Taf. XXXIV; КБН 360; КБН-Альбом 360; Kreuz, в печати, Nr. 749.
23. У всадника на рельефе неизвестного, поставленного синодом.
Найден в Керчи в 1904 г. около богадельни Золотарева и приобретен тогда же для Музея Мелек-Чесменского кургана.
Местонахождение неизвестно.
Дата: по характеру письма — первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 101, Nr. 574 Taf. XXXIX; КБН 91; Завойкина (Смирнова), 2003, с. 122; 133; КБН-Альбом 91; Kreuz, в печати, Nr. 868.
24. У всадника на стеле Феодора, сына Струния.
Найдена при раскопках А.Б. Ашика некрополя на Карантинном поле близ Керчи; служила перекрытием могилы.
Ст.-Петербург, ГЭ, инв. П.1850.28.
Дата: по стилю — начало I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; ср. по типу сцен, декору и стилю — вторая половина I — начало II вв. н. э.; по характеру письма — I в. н. э., не ранее середины [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 106, Nr. 608; КБН 423; Кат. Ленинград, 1990, с. 56, № 45; КБН-Альбом 423; Kreuz, в печати, Nr. 898.
25. У всадника на стеле Гастея, сына Папия (?).
Найдена в Керчи на Карантинной улице ок. 1890 г., встроенной в стену дома.
Местонахождение неизвестно.
Дата: по характеру письма — едва ли позднее I в. н. э. [КБН].
Литература: КБН 379; КБН-Альбом 379; Kreuz, в печати, Nr. 905.
26. У всадника на стеле Пирра, сына Гераклеонта.
Найдена В.В. Шкорпиллом в 1902 г. в Керчи при раскопках некрополя на Глинице; служила перекрытием могилы.
Керчь, КИКЗ (?).
Дата: по характеру письма — I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 105, Nr. 601; КБН 504; КБН-Альбом 504; Kreuz, в печати, Nr. 927.
27. У всадника на стеле Каморсаза и сына Ксайорсаза.
Куплена в 1891 г. в Керчи у Е. Запорожского.

- Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-687.
Дата: по стилю — I в. н. э. [Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 118, Nr. 659; Иванова, 1962, с. 172; КБН 689; КБН-Альбом 689; Kreuz, в печати, Nr. 951.
28. У всадника на стеле Лолесона, Гегумена и сына Гигиенонта.
Из коллекции И.И. Суручана.
Херсон, ХОКМ, инв. А-5819.
Дата: по характеру письма — I в. н. э. [КБН].
Литература: КБН 450; КБН-Альбом 450; Kreuz, в печати, Nr. 970.
29. У всадника на стеле Дионисия, сына Дионисия.
Найдена Ю. А. Кулаковским в 1890 г. в Керчи при раскопках некрополя на Глинище; стела находилась в стене склепа.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-781.
Дата: по характеру письма: конец I в. до н. э. — первые десятилетия I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 110, Nr. 622 Taf. XLIII; КБН 307; КБН-Альбом 307; Kreuz, в печати, Nr. 978, Abb. 116.
30. У всадника, изображенного на верхнем рельефе на стеле Агафуса, сына Гезуса. Найдена В.В. Шкорпиллом в 1907 г. в Керчи при раскопках на базу городской скотобойни; стела служила перекрытием гробницы.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-356.
Дата: по характеру письма — I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S.109, Nr. 619b; КБН 328; Савостина 1992, 372, 373, № 4; von Gall, 2002, S. 401, Abb. 4 (верхний рельеф); КБН-Альбом 328; Kreuz, в печати, Nr. 979.
Рис. 6. 3, 4.
31. У всадника, изображенного на верхнем рельефе на стеле Диофанта, сына Коса. Найдена Ю. А. Кулаковским в 1890 г. в Керчи при раскопках некрополя на Глинище; стела находилась в стене склепа.
Местонахождение неизвестно.
Дата: по характеру письма — первая половина I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 110, Nr. 624, Abb. 15, Taf. XLIII; Иванова, 1962, с. 172, рис. 3; КБН 393; КБН-Альбом 393; Kreuz, в печати, Nr. 988, Abb. 118.
32. У всадника на фрагментированной стеле с утраченной надписью.
Найдена в Керчи на Глинище у склада рыбзавода.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-345.

- Дата: вторая половина I в. н. э. [Kreuz].
Литература: Матковская, 2001, рис. 11; von Gall, 2002, S. 400, Abb. 3; Kreuz, в печати, Nr. 989.
33. У всадника, изображенного на стеле Ахемена, сына Агафокла.
Найдена в 1878 г. в стене частного дома на Глинище, слева от дороги на Булганак.
Москва, ГИМ, инв. 5708/21. Б-1776.
Дата: по характеру письма — первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 115, Nr. 648 Taf. XLV; КБН 84; Матковская, 1992, с. 405; Завойкина (Смирнова), 2003, с. 122–124; 130–132; КБН-Альбом 84; Kreuz, в печати, Nr. 1017, Abb. 124.
34. У всадника, изображенного на рельефе на стеле Гелия, сына Эрота.
Найдена в 1868 г. в Керчи на Новом кладбище.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-685.
Дата: по характеру письма — I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 119, Nr. 665, Taf. XLVIII; КБН 413; Матковская, 1983, табл. VII. 3; КБН-Альбом 413; Kreuz, в печати, Nr. 1025.
35. У всадников, изображенных на верхнем и нижнем рельефах на стеле Деметрия и Фемистокла, сыновей Гокона, и Зенона, сына Зенона.
Найдена В.В. Шкорпиллом в 1902 г. в Керчи при раскопках некрополя на Предельной улице, с левой стороны от Карантинного шоссе; служила перекрытием могилы.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-113.
Дата: по характеру письма — I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 122, Nr. 682; Савостина, 1992, с. 378, 379, № 20; КБН 384; КБН-Альбом 384; Kreuz, в печати, Nr. 1034.
36. У всадников, изображенных на стеле Эскина и Архия, сыновей Саббиона.
Найдена до 1853 г. и перевезена из Керчи в Эрмитаж.
Ст.-Петербург, ГЭ, инв. ПАН.144.
Дата: по стилю — I в. н. э. [Kieseritzky, Watzinger]; ср. возможно, первая половина I в. н. э. [Кат. Ленинград, 1990]; по характеру письма — I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 122, Nr. 680, Taf. XLIX; КБН 408; Диатроптов, 2001, с. 61, рис. 14г; КБН-Альбом 408; Kreuz, в печати, Nr. 1037, Abb. 130.
37. У всадника, изображенного на стеле Аполлодора, сына Аполлония, и Котиона, сына Коттиона.
Найдена А.Е. Люценко в 1872 г. при раскопках некрополя на г. Митридат, с восточной стороны Пирамидального холма, в разрушенной могиле.

- Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-369.
Дата: по характеру письма — не позднее первой половины II в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 123, Nr. 686 Taf. XLIX; Иванова, 1962, с. 174, рис. 7; КБН 653; КБН-Альбом 653; Kreuz, в печати, Nr. 1042, Abb. 132.
38. У всадника, изображенного на стеле Лисимаха, сына Дионисия, и его сына Лисимаха.
Приобретена в 1906 г. для Музея Мелек-Чесменского кургана; по словам продавца, найдена на Глинище.
Местонахождение неизвестно.
Дата: по стилю — начало I в. н. э. [Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 116, Nr. 651, Taf. XLVI; КБН 453; КБН-Альбом 453; Kreuz, в печати, Nr. 1044.
39. У стоящего воина на нижнем рельефе на стеле Гермеса, сына Гастия и Мастуса, сына Гермеса.
Найдена в 1906 г. в Керчи на 2-Булганакской улице; служила порогом склепа.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-723.
Дата: по стилю: середина I в. н. э. [Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — I в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 125 Nr. 693 Taf. L; КБН 400; Савостина, 1992, с. 374, 375, № 9; КБН-Альбом 400; Kreuz, в печати, Nr. 1066, Abb. 137.
40. У всадника на надгробии ранее в собрании И. И.Суручана, Кишенев.
Предположительно найдена в Керчи.
Дата: по стилю — I в. н. э. [Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 104, Nr. 597 Taf. XLI; Kreuz, в печати, Nr. 931.
41. У всадника на рельефе с утраченной надписью.
Вероятно, найден на г. Митридат в Керчи.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-329.
Дата: по стилю — I в. н. э. [Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 122, Nr. 679, Taf. XLVIII; Матковская, 1983, с. 128, 129, табл. VI. 1; Kreuz, в печати, Nr. 939.
42. У всадника на стеле Птолемаис, жены Гераклида.
Найдена в 1872 г. на г. Митридат во вторичном использовании в разрушенной могиле.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-743.

- Дата: по стилю — I в. н. э. [Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 118, Nr. 661, Taf. XLVII; Иванова, 1951, с. 30–32; 1962, с. 174, 175, рис. 8; КБН 502; КБН-Альбом 502; Kreuz, в печати, Nr. 948.
43. У всадника на стеле с утраченной надписью.
Приобретена в Керчи в 1891 г. графом А. А. Бобринским.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-363.
Дата: по стилю — начало I в. н. э. [von Kieseritzky-Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 121, Nr. 675, Taf. XLVIII; Kreuz, в печати, Nr. 971.
44. У всадника на стеле с утраченной надписью.
Найдена в Керчи.
Одесса, Археологический музей.
Дата: von Kieseritzky, Watzinger дату не приводят.
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 109, Nr. 620a; Kreuz, в печати, Nr. 982.
45. У всадника на стеле с утраченной надписью.
Найдена на г. Митридат в Керчи.
Москва, ГИМ, инв. 5693/7.
Дата: по стилю — I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 108, 109, Nr. 618, Taf. XLIII; Kreuz, в печати, Nr. 991.
46. У всадника на фрагментированном рельефе с утраченной надписью.
Привезен в Лондон из Керчи полковником Вестмакоттом.
Лондон, Британский музей, инв. GR 1856.7-10.29.
Дата: von Kieseritzky, Watzinger дату не приводят.
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 122, Nr. 681, Taf. XLIX; Kreuz; в печати, Nr. 1038.
47. У всадника на верхнем рельефе многоярусной стелы.
Найдена в окрестностях Керчи.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-326, 328.
Дата: по стилю — конец I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 111, 112, Nr. 628, Taf. XLIII; Савостина, 1992, с. 385, № 40; Kreuz; в печати, Nr. 984.
48. У всадника на стеле Мастаруса, сына Фарнака.
Вероятно, происходит из окрестностей Керчи; найдена до середины XIX в.
Ст.-Петербург, ГЭ, инв. ПАН.141.

Дата: по стилю — I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — вторая строчка, относящаяся, вероятно, к первоначальному рельефу [Кат. Ленинград, 1990], датируется первой половиной I в. н. э. [КБН].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 105, Nr. 604, Taf. XLI; КБН 464; Кат. Ленинград, 1990, с. 55, № 44; von Gall, 2002, S. 398, Abb. 1; КБН-Альбом 464.

Примечание: кинжал виден на рисунке В. Стасова; П.-А. Кройц, который изучал стелу de visu, сообщил мне, что изображения кинжала им не обнаружено.

Возможно: на фотографиях, опубликованных Кизерицким и Ватцингером, кинжалы не видны, однако из описаний следует, что они были изображены:

49. У всадника на стеле с утраченной надписью.

Найдена в 1890 г. в Керчи на Глинище.

Керчь, КИКЗ.

Дата: по стилю — конец I в. до н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 104, Nr. 596; Kreuz; в печати, Nr. 916.

50. У всадника на стеле Фарнака, сына Фарнака.

Найдена в Керчи на Глинище и подарена в 1897 г. в Музей Мелек-Чесменского кургана.

Местонахождение неизвестно.

Дата: по стилю — конец I в. до н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 105, Nr. 603; Mielczarek, 1999, pl. XI; Kreuz; в печати, Nr. 917.

51. У всадника влево на стеле с утраченной надписью.

Приобретена в Керчи в 1892 г.

Керчь, КИКЗ.

Дата: по стилю — середина I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 113, Nr. 633, Taf. XLV; Kreuz, в печати, Nr. 994, Abb. 120.

Рис. 9. 1.

52. У всадника на стеле с утраченной надписью.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-352.

Дата: по стилю — I в. н. э. [Матковская].

Литература: Матковская, 2005, с. 377, 389, рис. 12.

II. Каталог надгробий с изображением длинных мечей,
пристегнутых к горитам «скифского» типа

См. кат. № 5, 7–9, 11, 17, 18, 29, 30, 37, 39, 49, 52; весьма вероятно также кат. № 6, 19, 45, 48, 51, а также:

53. У всадника влево на стеле Кратиппа, сына Аполлона.
Найдена в Тиритаке в 1909 г.
Иваново, ИГИКМ.
Дата: по характеру письма — первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: Иванова, 1961, с. 129, 130, рис. 74; КБН 908; Kreuz, в печати, Nr. 946.
54. У всадника влево в верхней части многоярусной стелы с утраченной надписью.
Местонахождение неизвестно.
Дата: не приводится [von Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 114, Nr. 642, Taf. XLIV; Савостина, 1992, с. 382, № 30; Kreuz, в печати, Nr. 983.
55. У всадника влево в верхней части многоярусной стелы Исиона, сына Папия.
Найдена в 1900 г. в Керчи, на Карантинном шоссе напротив дома Гросса. Симферополь, КРУ Центральный Музей Тавриды, инв. КП-12538, А-20186.
Дата: по стилю — конец I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 114, Nr. 639, Taf. XLV; Иванова, 1962, с. 179, рис. 16; КБН 685; Савостина, 1992, с. 384, № 37; КБН-Альбом 685; Kreuz, в печати, Nr. 990. Abb. 119.
Рис. 9. 6.
56. У всадника влево на стеле с утраченной надписью.
Найдена в окрестностях Керчи и приобретена в 1892 г. у Е. Запорожского. Керчь, КИКЗ.
Дата: по стилю — рубеж I–II вв. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 115, Nr. 647, Taf. XLV; Kreuz, в печати, Nr. 1016.
57. У всадника влево на стеле Элис и Гераклида.
Найдена в Керчи на Глинище и приобретена в 1897 г. у Е. Запорожского. Ранее Керчь, Мелек-Чесменский курган. Современное местонахождение неизвестно.
Дата: по стилю — I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 122, Nr. 683, Taf. XLIX; КБН 308; КБН-Альбом 308; Kreuz, в печати, Nr. 1040.

58. У всадника влево на нижнем рельефе многоярусной стелы Ниокла и его дочери Евгении.

Найдена в окрестностях Керчи у д. Капканы и приобретена А.А. Бобринским в 1891 г. для Керченского музея.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-269.

Дата: по стилю — конец I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — II в. н. э., скорее всего, его первая половина [КБН].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 127, 128, Nr. 703, Taf. LI; Иванова, 1951, с. 30, прим. 10; КБН 893; Савостина, 1992, с. 384, № 36; КБН-Альбом 893; Kreuz, в печати, Nr. 1056.

59. У всадника влево на нижнем рельефе многоярусной стелы Протиона, сына Камарсадза.

Найдена в Тамани и подарена Керченскому музею.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-176.

Дата: по стилю — I-II вв. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; II в. н. э. [Савостина].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 132, Nr. 725, Taf. LIII; КБН 1088; Савостина, 1992, с. 383, 384, № 34; КБН-Альбом 1088; Матковская, 2005, с. 379; Kreuz, в печати, Nr. 1054.

Рис. 9. 3.

60. У всадника влево на верхнем рельефе многоярусной стелы Нисы, жены Гермеса.

Найдена в 1994 г. в Керчи на ул. Кирова (нижняя часть стелы — КБН 534).

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-1986.

Дата: по характеру письма — не позднее первой половины I в. н. э. [КБН 534]; ср. I в. н. э. [Павличенко, 2007, с. 265].

Литература: Павличенко, 2007, с. 263–269; Kreuz, в печати, Nr. 956.

Рис. 8. 2; 9. 2.

61. У всадника влево на стеле Фанна, сына Фанна.

Найдена в 1878 г. в Керчи под г. Митридат.

Херсон, ХОКМ, инв. А-5800.

Дата: по стилю — конец I в. до н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — I в. н. э., возможно, его первая половина [КБН].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 118, Nr. 663; КБН 524; Штительман, 1977, № 142; КБН-Альбом 524; Kreuz, в печати, Nr. 963.

Рис. 9. 7.

62. У всадника вправо на стеле Юлия Патия, сына Деметрия.
Найдена в Керчи.
Москва, ГИМ, инв. 17452/9. Б-1778.
Дата: по характеру письма — вторая половина I — первая половина II вв. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 101, Nr. 575, Taf. XLI; КБН 612; Десятчиков, 1972, с. 73, 74, рис. 4; КБН-Альбом 612; Kreuz, в печати, Nr. 976, Abb. 114.
63. У всадника влево на стеле Друса, сына Мессия.
Найдена в 1873 г. в Керчи на южном склоне г. Митридат.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-367.
Дата: по стилю — начало I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — вторая половина I-II вв. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 113, Nr. 634, Taf. XLIV; КБН 672; КБН-Альбом 672; Kreuz, в печати, Nr. 992.
64. У всадника влево на стеле Феагена, сына Гермогена, и его жены Кулии.
Найдена в 1870 г. В.Г. Тизенгаузенем при раскопках городища Ахиллий в начале косы Чушка на Таманском полуострове.
Ст.-Петербург, ГЭ, инв. Т.1870.71.
Дата: по стилю — I в. н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; ср. I в. н. э. [Кат. Ленинград, 1990]; по характеру письма — вторая половина I — первая половина II вв. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 120, Nr. 669; Taf. XLVII; Иванова, 1951, с. 30, прим. 10; 31; КБН 1025; Кат. Ленинград, 1990, с. 62, 63, № 53; Mielczarek, 1999, p. 92, pl. XII; Диатроптов, 2001, с. 61, рис. 15; Горончаровский, 2001б, с. 77; КБН-Альбом 1025; Kreuz, в печати, Nr. 1027, Abb. 129.
65. У всадников влево на стеле Аполлония, брата Симмия.
Найдена В.Г. Тизенгаузенем на Таманском полуострове в 1870 г.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-359.
Дата: по характеру письма — скорее всего, первая половина II в. н. э. [КБН].
Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 114, Nr. 640; Taf. XLIV; КБН 1223; Савостина, 1992, с. 382, 383, № 31; КБН-Альбом 1223; Kreuz, в печати, Nr. 981.
66. У всадника влево на фрагментированной стеле с утраченной надписью.
Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-347.
Литература: von Gall, 2002, S. 402, Abb. 5.
Рис. 8. 1.
67. У всадника вправо на стеле Хариксена, сына Хариксена.
Найдена на г. Митридат, возле кладбища.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-354.

Дата: по характеру письма: первые десятилетия I в. н. э. [КБН].

Литература: Марти, 1950, с. 72, 73, № 6, рис. 4; Болтунова, 1950, с. 73–75; КБН 140; КБН-Альбом 140; Kreuz, в печати, Nr. 919.

68. У всадника вправо на стеле Менофила, сына Демострата.

Приобретена в 1894 г. у Е. Запорожского.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-142.

Дата: по стилю — конец II в. до н. э. [von Kieseritzky, Watzinger]; по характеру письма — скорее всего, вторая половина I в. до н. э., может быть, начало I в. н. э. [КБН].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 104, Nr. 593; Taf. XL; Ростовцев, 1913, табл. LXXXIV. 4; Марти, 1941, с. 37, рис. 7; с. 38, № 11; КБН 313; Матковская, 2001, с. 108, 121, рис. 12; КБН-Альбом 313; Kreuz, в печати, Nr. 924, Abb. 106.

69. У всадника влево на двухярусной стеле с утраченной надписью.

Происхождение неизвестно.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-266.

Дата: вторая половина I в. н. э. [Kreuz].

Литература: Иванова, 1951, с. 27–34, рис. 9; 1961, с. 130, рис. 75; Kreuz, в печати, Nr. 1024, Abb. 127.

Рис. 9. 5.

70. У всадника влево на фрагментированном надгробии с утраченной надписью. Найдено в 2006 г. на восточном некрополе Фанагории.

Тамань, Археологический музей.

Литература: Фанагория, 2008, с. 35, рис. внизу справа.

71. У всадника вправо на фрагментированном надгробии с утраченной надписью. Найдено в 1988 г. на территории некрополя Мирмекия.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-1786.

Дата: по стилю — первая половина II в. н. э. [Матковская].

Литература: Матковская, 1989, с. 57–59, рис. 4; Kreuz, в печати, Nr. 1007.

III. Каталог надгробий с изображением луков и колчанов «гуннского» типа

См. выше кат. № 2–4; 12, 13, 23, 44, а также:

72. У всадника на стеле Матиана, сына Заидара.

Найдена на Таманском полуострове (время и место находки неизвестны).

Темрюк, Историко-археологический музей.

Дата: конец I в. до н. э.

Литература: Яйленко, 1987, с. 19, № 8; 1995, с. 220–224, № 7, рис. 11; Горончаровский, 2001а, с. 218, 219; 2001б, с. 72, 73, рис. 1; 2006, с. 44, 45, рис. 1; Goroncharovskii, 2007, р. 61, 62, fig. 1; Сапрыкин, 2002, с. 109, 110; Ivanchik, 2007; Иванчик, Тохтасьев, 2009, с. 102–107, рис. 3; Kreuz; в печати, Nr. 857.

73. У всадника на стеле Аполлониды, сына Апатурия, поставленной старшему брату Фарнаку.

Найдена в 1913 г. В. В. Шкорпиллом в Керчи на Строгановской улице среди плит мостовой.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-448.

Дата: по характеру письма — II в. н. э. [КБН].

Литература: КБН 652 (с библиографией); Матковская, 1992, с. 403, 404, табл. V. 7; КБН-Альбом 652; Kreuz, в печати, Nr. 902, Abb. 103.

74. У всадников на надгробии Агафа, сына Саклея.

Извлечено из стены современной постройки в х. Приморском близ Фанагории.

Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. Ф-373.

Дата: 179 г. н. э.

Литература: Кобылина 1948, 85; Иванова, 1961, с. 142, 143, рис. 89, 90; КБН 1000; Соколов, 1973, № 171; Античная скульптура, 1987, с. 212, 213, № 147; Савостина, 1992, с. 384, 385, № 38; КБН-Альбом 1000; Kreuz, в печати, Nr. 1116, Abb. 149–152.

75. У всадника на стеле Констанция и Мирмекса.

Найдена примерно в 1820 г. в окрестностях Керчи.

Керчь, КИКЗ, инв. КЛ-737.

Дата: по характеру письма надпись датируется III–IV в. н. э. [КБН], впрочем, отмечается, что она, вероятно, была сделана на месте другой [von Kieseritzky, Watzinger].

Литература: von Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 111, Nr. 626, Taf. XLIII; КБН 738; Матковская, 1992, с. 403, 404, табл. V. 9; КБН-Альбом 738; Kreuz, в печати, Nr. 1008, Abb. 123.

Список литературы

- Абрамова, 1993. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
- Алексеева, 1982. Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгииппии // Горгииппия. Материалы анапской археологической экспедиции. Т. 2. Краснодар.
- Античная скульптура Херсонеса, 1976. Античная скульптура Херсонеса. Киев.
- Античная скульптура, 1987. Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
- Антонов, 2004. Антонов Е.Е. Мечи из раскопок некрополей урочища Артезиан в Крымском Приазовье // *Para bellum*. 24.
- Апакидзе и др., 1958. Апакидзе А.М., Гобедзишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ламтитидзе Г.А. Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937–1946 гг. Тбилиси.
- Арсеньева, 1970. Арсенъева Т.М. Могильник у д. Ново-Отрадное // МИА. № 155.
- Арсеньева, 1977. Арсенъева Т.М. Некрополь Танаиса. М.
- Безуглов, 1988. Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 4.
- Безуглов, 2000. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Т. 1. Ростов-на-Дону.
- Беспалый, 1992. Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1.
- Беспалый, Беспалая, Раев, 2007. Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону.
- Блаватский, 1954. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Бритова, 1948. Бритова Н.Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // КСИИМК. XXII.
- Васильев, 2001. Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. Уфа.
- Виноградов, 1994. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 2.
- Винокуров, 2008. Винокуров Н.И. Война на ближнем боспорском пограничье и ее последствия (по материалам раскопок городища и некрополя Артезиан в Крымском Приазовье) // БИ. XIX.
- Волошинов, Масякин, 2007. Волошинов А.А., Масякин В.В. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскоп-

ки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь.

Воронов, Шенкао, 1982. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.

Гайдукевич, 1959. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 69.

Гладкова, 1978. Гладкова Т.А. О некоторых мастерах боспорского рельефа I–II вв. н.э. // ВДИ. 4.

Глебов, 2007. Глебов В.П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Вып. II. Волгоград.

Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005. Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // ДБ. 8.

Горончаровский, 1998. Горончаровский В.А. Погребения с оружием в некрополе Илурата // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб.

Горончаровский, 2001а. Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. н.э. // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Т. 2. СПб.

Горончаровский, 2001б. Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков н.э. // ANAXAPΣIΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова (Херсонесский сборник. Вып. XI). Севастополь.

Горончаровский, 2002. Горончаровский В.А. К вопросу об инновациях в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X Международной научной конференции. Ростов-на-Дону.

Горончаровский, 2003а. Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 3.

Горончаровский, 2003б. Горончаровский В.А. Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.–М.

Горончаровский, 2006. Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII–I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции. Тамань (Россия). Октябрь 2000. СПб.

Грач, 1999. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб.

Гугуев, 1992. Гугуев В.К. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 4.

Гугуев, Безуглов, 1990. Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 2.

Гущина, Засецкая, 1989. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. 70. М.

- Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Десятчиков, 1972. Десятчиков Ю.М. Катафрактарий на стеле Афения // СА. 4.
- Диатроптов, 2001. Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М.
- Дмитриев, Масленников, Онайко, 1986. Дмитриев А.В., Масленников А.А., Онайко Н.А. Раскопки могильника в урочище Широкая Балка // КСИА. 186.
- Ернштедт, 1955. Ернштедт Е.В. Монументальная живопись Северного Причерноморья // *Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории культуры*. Т. 1. М.–Л.
- Завойкина (Смирнова), 2003. Завойкина (Смирнова) Н.В. Частные сообщества Пантикапея в первые века н.э. // ДБ. 6.
- Засецкая, Минасян, 2008. Засецкая И.П., Минасян Р.С. Золотые ножны кинжала из кургана Дачи – уникальное произведение древнего ювелирного искусства // Кат. СПб.
- Зеест, 1953. Зеест И.Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 51.
- Зуев, 2000. Зуев В.Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΤΙΓΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.
- Иванова, 1951. Иванова А.П. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // КСИИМК. 39.
- Иванова, 1961. Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев.
- Иванова, 1962. Иванова А.П. Образ вершника в боспорьскому надгробному рельефи // АП УРСР. XI.
- Иванчик, Тохтасьев, 2009. Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 3.
- Ильюков, Власкин, 1992. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Кадеев, 1981. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков.
- Кадеев, 1985. Кадеев В.И. Новый надгробный памятник II в. н.э. из Херсонеса // КСИА. 182.
- Карейша, 1844. Карейша Д.В. Разрытие курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. 1.
- Кат. Ленинград, 1980. Художественные изделия эпохи римской империи (I в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Л.
- Кат. Ленинград, 1990. Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. Л.
- Кат. Москва, 1985. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе.
- Кат. Москва, 1987. Шедевры древнего искусства Кубани. М.
- Кат. Москва, 2002. На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М.

- Кат. Москва, 2005. Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. М.
- Кат. Ст.-Петербург, 1999. Древний город Нимфей. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.
- Кат. Ст.-Петербург, 2008. Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения академика Бориса Борисовича Пиотровского. СПб.–Азов.
- КБН-Альбом, 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб.
- Клепиков, 2002. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград.
- Кобылина, 1948. Кобылина М.М. Новый памятник боспорского искусства – стела Агафа // ВДИ. 4.
- Кожухов, 1994. Кожухов С.П. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Коровина, 1987а. Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 8.
- Коровина, 1987б. Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965) // СГМИИ. 8.
- Корпусова, 1973. Корпусова В.Н. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 8.
- Корпусова, 1983. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев.
- Косяненко, 2008. Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) (Донские древности, вып. 9). Азов.
- Кругликова, 1982. Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Материалы анапской археологической экспедиции. Т. 2. Краснодар.
- Кубарев, 1981. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Кубарев, 1987. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
- Кубарев, 1991. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск.
- Кубарев, 1992. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск.
- Литвинский, 2001. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.
- Литвинский, 2002. Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО. 1(XXVI). СПб.
- Лордкипанидзе, 1989. Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси.
- Максименко, Безуглов, 1987. Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1.
- Максимова, Наливкина, 1955. Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории культуры. Т. 1. М.–Л.
- Мальшев, 2008. Мальшев А.А. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника. М.
- Мальшев, Трейстер, 1994. Мальшев А.А., Трейстер М.Ю. Погребение зубовско-воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // БС. 5.

Малышев и др., 2004. Малышев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г. Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. 7.

Мандельштам, 1966. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. МИА. 136. М.–Л.

Марти, 1941. Марти Ю.Ю. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // СА. VII.

Марти, 1950. Марти Ю.Ю. Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей // ВДИ. 4.

Марченко, 1966. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар.

Масленников, 1990. Масленников А.А. Население боспорского государства в первых веках н.э. М.

Масленников, 1998. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.

Маслов, 1999. Маслов В.Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Матковская, 1983. Матковская Т.А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н.э. // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев.

Матковская, 1989. Матковская Т.А. Античные надгробия из Керчи (из новых поступлений в Керченский лапидарий) // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Сб. научных трудов. Л.

Матковская, 1992. Матковская Т.А. Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н.э. – II в. н.э. // СГМИИ. 10.

Матковская, 2001. Матковская Т.А. Мужской костюм европейского Боспора первых веков н.э. (по материалам Керченского лапидария) // БИ 1.

Матковская, 2005. Матковская Т.А. Памятники боспорянам – защитникам Отечества (по материалам Керченского лапидария). БИ. IX.

Матющенко, Татаурова, 1997. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск.

Мацулевич, 1941. Мацулевич Л.А. Кем был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. VII.

Минасян, 2006. Минасян Р.С. Кинжал из кургана «Дачи» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21. Азов.

Мордвинцева, 2003. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь.

Мордвинцева, 2007. Мордвинцева В.И. Сарматский полихромный звериный стиль // Мордвинцева, Трейстер.

Мордвинцева, Трейстер, 2007. Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Симферополь, Бонн.

Мордвинцева, Хабарова, 2006. Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики сарматского времени из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь.

Мордвинцева, Шинкарь, 1999. Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. 2.

Мошкова, 1982. Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 170.

Неверов, 1979. Неверов О.Я. Итальянские геммы в некрополях северопонтийских городов (к вопросу об итальянском импорте в Северное Причерноморье) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.

Нефедкин, 2002. Нефедкин А.К. Воины с тремя копьями на надгробиях I–II вв. н.э. или к вопросу о тактике боспорской пехоты // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы научной конференции. Ч. 1. СПб.

Никоноров, 2002. Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. 1(XXVI). СПб.

Обельченко, 1978. Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 4.

Обельченко, 1992. Обельченко О.В. Культура античного Согда. М.

Онайко, 1983. Онайко Н.А. Погребение воина у поселка Мысхако // КСИА. 174.

Павличенко, 2007. Павличенко Н.А. Неопубликованное боспорское надгробие // ДБ. 11.

Погодин, 1998. Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск.

Полосьмак, 1994. Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск.

Прохорова, Гугуев, 1992. Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1.

Пугаченкова, 1987. Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент.

Пугаченкова, 1989. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент.

Пуздровский, 2005. Пуздровский А.Е. Клинковое оружие Крымской Скифии I–III вв. н.э. // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб.

Пуздровский, 2007. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь.

Ростовцев, 1913. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб.

Ростовцев, 1914. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.

Ростовцев, 1918. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР. 37. Пг.

Савостина, 1983. Савостина Е.А. К символике изображения лука на Боспоре // СА. 4.

Савостина, 1992. Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора. Семантика и структура // СГМИИ. 10.

- Сапрыкин, 1985. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 2.
- Сапрыкин, 2002. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
- Сапрыкин, 2006. Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ. 159. М.
- Сарианиди, 1989. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Симоненко, 1984. Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Симоненко, Лобай, 1991. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев.
- Скворцов, Скрипкин, 2008. Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // НАВ. 9.
- Скрипкин, 1990. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов.
- Скрипкин, 2000. Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 3.
- Скрипкин, 2006. Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская с среднесарматская культуры. Проблемы соотношения (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1). Волгоград.
- Скрипкин, Мамонтов, 1977. Скрипкин А.С., Мамонтов В.И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 4.
- Смирнова, 2002. Смирнова Н.В. Надгробия членов пантикапейских синодов // БФ: Погребальные памятники и святилища. Материалы научной конференции. Ч. 1. СПб.
- Соколов, 1973. Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л.
- Соколовский, 1954. Соколовский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 34.
- Соколовский, 1955. Соколовский Н.И. О боспорских щитах // КСИИМК. 58.
- Соколовский, 1975. Соколовский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
- Сорокина, 1957. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. Труды ГИМ, Памятники культуры. 26. М.
- Сорокина, Сударев, 2002. Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. 5.
- Степанова, 2004. Степанова Е.В. Боспорские седла // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб.
- Толстов, 1948. Толстов С.П. Древний Хорезм. М.
- Трейстер, 2007. Трейстер М.Ю. Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева, Трейстер.
- Трейстер, 2008. Трейстер М.Ю. Импортная металлическая посуда из Цемдолинского могильника // Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника (Некрополи Черноморья, 2). М.
- Трейстер, 2009. Трейстер М.Ю. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в

декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла) // *Археологические вести*. 16. 2009 (в печати).

Фанагория, 2008. Фанагория. По материалам Таманской экспедиции ИА РАН. М.

Федоров-Давыдов, 1980. Федоров-Давыдов Г.А. Позднесарматский биметаллический курган из Барановского могильника // *СА*. 2.

Хазанов, 1971. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.

Херсонес Таврический, 2004. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков.

Цветаева, 1951. Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // *МИА*. 19.

Цветаева, 1979. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М.

Чуистова, 1960. Чуистова Л.И. Надгробия рубежа н.э. из Керчи // *КСИА АН УССР*. 10.

Шавырина, 1983. Шавырина Т.Г. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // *КСИА*. 174.

Шавырина, 2000. Шавырина Т.Г. Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // *ДБ*. 3.

Шаповалов, 1973. Шаповалов Т.О. Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське // *Археологія*. 8.

Шелов, 1961. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса // *МИА*. 98. М.–Л.

Штительман, 1977. Штительман Ф.М. Античное искусство. Киев.

Яйленко, 1987. Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. М.

Яйленко, 1995. Яйленко В.П. Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // *Женщина в античном мире*. М.

Яценко, 1995. Яценко С.А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // *ВДИ*. 4.

Яценко, 2006. Яценко С.А. Костюм древней Евразии. М.

Abdullaev, 1995. Abdullaev K. Nomadism in Central Asia. The archaeological evidence (2nd – 1st centuries B.C.) // *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity*. Florence.

Alekseeva, 2002. Alekseeva E.M. Gorgippia. Geschichte einer griechischen Polis an der Stelle der heutigen Stadt Anapa // *Das Bosporianische Reich. Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike*. Mainz.

Andrási, 2008. András J. *The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and the Related Material*. London.

Braund, 1994. Braund D. *Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia, 550 BC – AD 562*. Oxford.

Brentjes, 1989. Brentjes B. *Incised Bones and a Ceremonial Belt: Finds from Kurgan-Tepe and Tillia-Tepe* // *BullAI*. 3.

Brentjes, 1990. Brentjes B. *Zu den Reiterbildern von Kurgan-Tepe* // *IrAnt*. 25.

Brentjes, 1993. Brentjes B. *Waffen der Steppenvölker. – I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit* // *AMI*. 26.

- Brentjes, 1995–96. Brentjes B. *Waffen der Steppenvölker. – II. Kompositbogen, Goryt und Pfeil. Ein Waffenkomplex der Steppenvölker // AMI. 28.*
- Brentjes, 1996. Brentjes B. *Arms of the Sakas. Varanasi.*
- Cat. Bochum, 2004. *Persiens Antike Pracht. Bergbau – Handwerk – Archäologie. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum von 28.November 2004 bis 29.Mai 2005. Bochum.*
- Cat. Bonn, 2006. *Xi'an. Kaiserliche Macht im Jenseits. Mainz.*
- Cat. Daoulas, 1995. *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas.*
- Cat. Frankfurt, 1998. *Schätze für König Zhao Mo. Schirn Kunsthalle Frankfurt. Heidelberg.*
- Cat. Frankfurt, 2003. *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. Frankfurt.*
- Cat. Los Angeles, 2007. *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. J. Paul Getty Museum. Los Angeles.*
- Cat. Mannheim, 1989. *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban. Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart.*
- Cat. Mannheim, 2001. *Das Gold der Barbarenfürsten. Schätze aus Prunkgräbern des 5. Jahrhunderts n. Chr. zwischen Kaukasus und Gallien. Darmstadt.*
- Cat. Mannheim, 2007. *Ursprünge der Seidenstraße. Stuttgart.*
- Cat. New York, 2000. *The Golden Deer of Eurasia. New York.*
- Cat. Paris, 2001. *L'or des Amazones. Paris.*
- Cat. Paris, 2006. *Afghanistan: les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul. Paris.*
- Cat. Tokyo, 1991. *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo.*
- Cat. Turin, 2002. *Zenobia il sogno di una regina d'Oriente. Milano.*
- Cat. Zürich, 1989. *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Museum Rietberg. Zürich.*
- Cat. Zürich, 1993. *Aus den Schatzkammern Eurasiens. Zürich.*
- Colledge, 1976. *Colledge M.A.R. The Art of Palmyra. London.*
- Collon, 1995. *Collon D. Ancient Near Eastern Art. British Museum. London.*
- Crimean Chersonesos, 2003. *Crimean Chersonesos. City, Chora. Museum and Environs. Austin.*
- Curtis, 1993. *Curtis V.S. A Parthian Statuette from Susa and the Bronze Statue from Shami // Iran. XXXI.*
- Curtis, 2001. *Curtis V.S. Parthian Belts and Belt Plaques // IrAnt. XXXVI.*
- Dmitriev et al., 1999. *Dmitriev A.V., Malyšev A.A., Vjazkova O.E. Die Siedlung von Myschako // EurA. 5.*
- Downey, 1977. *Downey S.B. The Stone and Plaster Sculpture. Excavations at Dura-Europos. Final Report III. Part 1, Fasc. 2. Los Angeles.*
- Dshawachischwili, Abramischwili, 1986. *Dshawachischwili A., Abramischwili G. Goldschmiedekunst und Toreutik in den Museen Georgiens. Leningrad.*
- Gajdukevič, 1971. *Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin.*

- von Gall, 1990. von Gall H. *Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit // Teheraner Forschungen. VI. Berlin.*
- von Gall, 2002. von Gall H. *Das Motiv des ‚Reiters mit dem Knappen‘ auf den bosporanischen Grabstelen // AMIT. 34.*
- Ghirshman, 1962. Ghirshman R. *Iran. Parther und Sasaniden. München.*
- Ghirshman, 1979. Ghirshman R. *Le ceinture en Iran // IrAnt. 14.*
- Goroncharovskii, 2007. Goroncharovskii V.A. *Aspurgians and the Military Policy of Bosphorus at the Turn of the First Century AD // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus. 7th – 1st Centuries BC. Proceedings of the International Conference. October 2000, Taman, Russia (BAR Intern. Ser., 1729). Oxford.*
- Guguev, 1996. Guguev V. *The Gold Jewelry Complex from the Kobayakov Pit-Burial // Ancient Jewelry and Archaeology. Bloomington, Indianapolis.*
- Heinen, 2006. Heinen H. *Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Nr. 5. Stuttgart.*
- Herrmann, 1989. Herrmann G. *Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. II. Gent.*
- Ilyasov, 2003. Ilyasov J. *Covered Tail and «Flying» Tassels // IrAnt. XXXVIII.*
- Ilyasov, Rusanov, 1998. Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V. *A Study on the Bone Plates from Orlat // SRAA. 5.*
- Ivantchik, 2007. Ivantchik A. *Greeks and Iranians in the Bosphorus in the 1st c. B.C. -1st c. A.D.: New Epigraphical Data from Tanais. In: <http://seneca.uab.es/antiguitat/SCYTHIANS/CONGRESS%20Files/Abstracts%20Barcelona.pdf>.*
- James, 2004. James S. *The Arms and Armour and other Military Equipment. Excavations at Dura-Europos 1928–1937. Final Report VII. London.*
- Kawami, 1987. Kawami T. *Monumental Art of the Parthian Period in Iran (Acta Iranica 26; Textes et Mémoires. XIII). Leiden.*
- Keene, 2005. Keene M. *Old World Jades outside China, from Ancient Times to the Fifteenth Century: Section One // Essays in Honor of J.M. Rogers (Mugarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. 21). Leiden.*
- von Kieseritzky, Watzinger, 1909. von Kieseritzky G., Watzinger C. *Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin.*
- Koryakova, 2006. Koryakova L. *On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. New York.*
- Kreuz, 2003. Kreuz, P.-A. *Ein Waffentyp als Indikator kulturellen Wandels? Das Ringknaufschwert auf Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich // Festschrift. 10 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd. 1993–2003. Köln, Wolgograd.*
- Kreuz, в печати. Kreuz, P.-A. *Die Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich. Leiden.*
- Litvinsky, 2001. Litvinsky B.A. *Bactrian Ivory Plate with Hunting Scene from Temple of the Oxus // SRAA. 7.*

Lordkipanidze, 1991. Lordkipanidze O.D. *Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittelalter. Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provinzialrömischen Archäologie*. 5. Weinheim.

Malyshev, 2007. Malyshev A.A. *Torikos and the South-Eastern Periphery of the Bosporan Kingdom (7th c. BC – 3rd c. A.D.) // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 2 (BAR Intern. Ser. 1675.I)*. Oxford.

Malyšev, Treister, 1994. Malyšev A.A., Treister M.Ju. *Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdviženski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk // Bayerische Vorgeschichtsblätter*. 59.

Malyshev, Treister, 1994. Malyshev A.A., Treister M.Yu. *A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age // Expedition*. 36. 2–3.

Mathiesen, 1992. Mathiesen H.E. *Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology*. Aarhus.

Mielczarek, 1999. Mielczarek M. *The Army of the Bosporan Kingdom (Studies on the History of the Ancient and Medieval Art of Warfare, IV)*. Łódź.

Mochkova, 1994. Mochkova M. *Le cemetiere sarmate de Lebedevka dans le Sud de l'Oural // Le Dossier d'Archéologie*. 194.

Molodin, Parzinger, Ceveendorž, 2007. Molodin V.I., Parzinger H., Ceveendorž D. *Das Kriegergrab von Olon-Kurin-Gol // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München, Berlin, London, New York.

Negin, 1998. Negin A.E. *Sarmatian cataphracts as prototypes for Roman equites cataphractarii // Journal of Roman Military Studies*. 9.

Neverov, 1976. Neverov O. *Antique intaglios in the Hermitage Collection Leningrad*.

Nicolle, 1996. Nicolle D. *Sassanian Armies. The Iranian Empire (Early 3rd to mid – 7th centuries AD)*. London.

Perkins, 1973. Perkins A. *The Art of Dura-Europos*. Oxford.

Pfrommer, 1993. Pfrommer M. *Am Schnittpunkt vieler Welten. Die Griechenstädte der nördlichen Schwarzmeerküste als Stätten kultureller Begegnung zwischen dem 4. und dem 1. Jahrhundert v. Chr. // Nürnberger Blätter zur Archäologie*. 9.

Pharmakowsky, 1914. Pharmakowsky B. *Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrussland // Archäologischer Anzeiger*.

Pugachenkova, 1995. Pugachenkova G.A. *The Antiquities of Transoxiana in the Light of Investigations in Uzbekistan (1985–1990) // ACSS*. 2.1.

Rostovtzeff et al., 1936. Rostovtzeff M.I., Bellinger A.M., Hopkins C., Welles C.B. *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Sixth Season of Work. October 1932 – March 1933*. New Haven.

Rostowzew, 1931. Rostowzew M.I. *Skythien und der Bosphorus*. Berlin.

Saprykin, Maslennikov, 1995. Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. *Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and his Immediate Succesors // ACSS*. 2.3.

Sarianidi, 1985. Sarianidi V.I. *Baktrisches Gold*. Leningrad.

Schiltz, 1994. Schiltz V. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. München.

Schiltz, 2002. Schiltz V. *Les Sarmates entre Rome et la Chine : nouvelles perspectives // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Juilles-October.

Simonenko, 2001. Simonenko A.V. *Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und der späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet* // EurA. 7.

Skvorcov, Skripkin, 2006. Skvorcov N.B., Skripkin A.S. *Eine sarmatische Adelbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet* // EurA. 12.

Sommer, 2003. Sommer M. *Hatra. Geschichte und Kultur einer Karawanenstadt im römisch-parthischen Mesopotamien*. Mainz.

Sun Ji, 1985. Sun Ji. *Yujujian yu suishi peijianta (Длинные мечи с украшениями из нефрита и способы их ношения)* // Kaogu. 1.

Tanabe, 1986. Tanabe K. *Sculptures of Palmyra. V. 1 (Memoirs of the Ancient Orient Museum. V. 1)*. Tokyo.

Tanabe et al., 1998. Tanabe K., Hori A., Miyashita S., Haga M. *Sculptures of Commagene Kingdom (Memoirs of the Ancient Orient Museum. V. 2)*. Tokyo.

Treister, 2000. Treister M.Y. *Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosporan Kingdom* // Antike Bronzen. Werkstattkreise, Figuren und Geräte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 33. Köln.

Treister, 2003. Treister M.Y. *The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations)* // ACSS. 9.

Treister, 2004. Treister M.Y. *Cloisonné-and Champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic-Early Imperial Periods* // Acta Archaeologica. 75.2.

Treister, 2005. Treister M. *Gruft II von Gorgippia*. In: Mordvinceva V.I., Treister M. *Zum Verhältnis «griechischer» und «barbarischer» Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr.* // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13–15. Februar 2003. Rahden.

Trousdale, 1975. Trousdale W. *The Long Sword and Scabbard Slide in Asia (Smithsonian Contributions to Anthropology. 17)*. Washington.

Trousdale, 1988. Trousdale W. *A Kushan Scabbard Slide from Afghanistan* // BullAI. 2.

Vanden Berghe, Schippmann, 1985. Vanden Berghe L., Schippmann K. *Les reliefs rupestres d'Elymaïde (Iran) de l'époque parthe (IrAnt, Suppl. III)*. Gent.

Vogelsang-Eastwood, 2000. Vogelsang-Eastwood G. *The Clothing of the «Shami Prince»* // Persica XVI. Leuven.

de Waele, 1975. de Waele E. *La sculpture rupestre d'Elymaïde* // Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale. 69.

Werner, 1994. Werner J. *Chinesischer Schwerttragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Čatalka (Bulgarien)* // Germania. 72.1.

Winkelmann, 2003. Winkelmann S. *Eurasisches in Hatra? Ergebnisse und Probleme bei der Analyse partherzeitlichen Bildquellen* // Orientwissenschaftliche Hefte. Mitteilungen des SFB „Differenz und Integration“ 4/1: Nomaden und Sesshafte – Fragen, Methoden, Ergebnisse. 9. Halle/Saale.

Winkelman, 2004. *Winkelman S. Katalog der parthischen Waffen und Waffenträger aus Hatra. (Materialien des SFB «Differenz und Integration» IV/2004). Halle-Wittenberg.*

Young, 1963. *Young J.H. Skulpturen aus Arsameia am Nymphaion // Doerner F., Goell T. Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierothesion des Mithridates Kallinikos von 1953–1956 (Istanbuler Forschungen. Bd. 23). Berlin.*

Zgusta, 1955. *Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag.*

Summary

Mikhail Treister

On the weapons of Sarmatian type in the Bosporan Kingdom in the 1st – 2nd centuries AD

Things have reached a point to study carefully the depictions of arms on the Bosporan gravestones and to correlate them with archaeological finds, both from the area of the Bosporan Kingdom and from the nomadic cultures of Eurasia and from the Near East. Such an analysis allows us both the better understanding of the genesis of certain types of arms, used in the Bosphorus in the first centuries AD and the social and historical context of the possible adoptions. My analysis is concentrated on three categories: the daggers, which were carried fastened with belts to the right thighs, long swords fastened to the quivers of the so-called Scythian type, as well as quivers of the so-called Hunnic or Central-Asian type.

The catalogue, making the basis of the study, includes 75 Bosporan grave stelae, primarily with the images of the horsemen; from the late 1st century BC to the first half of the 2nd century AD which show the arms of the abovementioned types, found or acquired primarily in Kerch and its vicinities. Detailed analysis both of the specific details shown on the Bosporan, Commagene, Parthian stelae, sculptures, frescoes, terracottas and small bronzes in comparison with the finds of corresponding arms both in the area of the Bosporan Kingdom as well as in the nomadic burials of Eurasia reveals Central Asian, in some cases Chinese prototypes of them.

The fact that the “horsemen” daggers appear on the grave stelae of high-ranking Bosporan officials, testifies the use of the weapons of the Sarmatian type with the characteristic for Sarmatians manner of its carry fixed to the hip, also among the

Bosporan elite, whereas the presence of such a dagger could stress social status of the deceased. The figurative monuments present a rather reliable background for the find of a parade dagger in the scabbard with side projections in the tomb II/1975 in Gorgippia, probably belonging to the king's deputy Neokles or his father.

Most probably the adoption of the "horsemen" daggers, long swords and quivers, having Eastern origins and/or prototypes took place already under the rule of Asandros in course of the service of warriors of Sarmatian and Maiotian origin, the so called 'Aspurgians', using such arms, who formed the detachments of Bosporan cavalry, guarding the frontier of the Asian Bosphorus. The phenomenon discussed seems, therefore, to have two components – one, showing the evident ties with the nomadic Sarmatian world, the second – stressing the relation with the Late Hellenistic monarchies of the Near East, who also adopted the new types of arms from the nomads of Eurasia. It is thus, evident, than even if the materials discussed give grounds to testify the Sarmatian influence on the arms of the Bosporans and the mode of its carry, its adoption there and transformation in the status symbol was not simply the reflection of the so-called sarmatization of the Bosporan Kingdom, but has more widely roots and should be discussed in the context of ideological constructions, similar to those spread in the Near East at the end of the Hellenistic period.